

Виктор Уразбаев

 Таржема

Центральной библиотеке: Кунарзу,
фронтангдисту всех российских
патриотов в благодарного автора
книги. У. / В. Чаролев / 30.09.15.

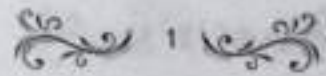
Виктор Уразбаев

ТАРЖЕМА

—
й
в
го
к
за
сь
й,
и
ю
за
в
их

р
го
го
к
ль
д
л
л
й.
те
го
т-

н,
р.

ББК 84-5
У 68

Виктор Уразбаев, Таржема, 2015 г.

ТАРЖЕМА

Автор благодарен за материальную, а главное, моральную поддержку в создании этой книги: брату Уразбаеву Марату Зигангировичу сестре Уразбаевой Тамаре Зигангировне и Надежде Николаевне Антошкиной.

ISBN

@ Уразбаев, 2015 год.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Виктор Зигангирович Уразбаев – сын кадрового офицера Советской Армии, внук репрессированного в 1937 году председателя Верховного суда БАССР и прямой потомок ближайшего соратника Е. Пугачёва Кинзи Арсланова. Гены ему достались хорошие, и, как неординарный, талантливый человек с честным и прямым характером, он всю свою жизнь остался верен принципам добра и человечности. Из-за строки в биографии и из-за неукротимости натуры он побывал во многих уголках необъятной страны.

Последние 30 лет, перед выходом на пенсию, Виктор Зигангирович бороздил моря и океаны в качестве судового механика рыболовецкого флота. Владая тонкостями русского языка, он представил на суд читателей поэтический сборник «В крови-то море» и небольшую книгу рассказов «Жизнь продолжается». Вернувшись на родину предков в город Кумертау, усиленно засел за родной башкирский язык и стал успешно переводить стихи местных поэтов на русский. Остаётся пожелать ему в этом востребованном деле художественного перевода больших успехов. С ноября 2010 года он является членом СП «Многонациональный Санкт-Петербург».

Тимер НИАТШИН,
член Союза писателей РБ и РФ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переводить стихи без навыка и таланта не получится. И даже пробовать не стоит. Ещё добавлю то, что бездарь не возьмётся за это дело. А если и попробует, то с авторской задумкой и текстом связи не будет.

А Виктору Уразбаеву это дело под силу. Связь со стихотворением автора существует.

А спросите вы у него, легко ли делать переводы? Ответ будет один - нет! «Нужно вжиться в данное стихотворение, уловить смысл произведения и его сохранить на протяжении всего перевода творения. А это сделать нелегко. К тому же, стихотворения бывают весьма объёмные. Вот здесь-то приходится попотеть и долгое время корпеть над произведением, до тех пор, пока в итоге, не получится то, что нужно. Не просто нужно, а было бы идеально и понравилось автору.

Рождается новое стихотворение. И, в то же время, не новое. Иными словами, жизнь стихотворения продолжается в ином облики с красками неба голубого и лазуревое берега.

Не думал я никогда стать поэтом, а переводчиком, тем более. Стал и первым, и вторым.

Радость ощущаю от общения со словами. Сам того не знаю, как их слышу и распознаю сигналы.

Можно и не писать, но лучше заниматься тем делом, к чему душа лежит. А если нет в тебе желания, то не стоит и начинать. Ведь слова - не просто буквы, написанные одна за другой. Это твоя работа, твоё детище, без чего пишущий человек не мыслит жизни».

Надежда АНТОШКИНА,
коллега по перу.

АКМУЛЛА

Бием не станешь, широкий ремень надевая.
Благородным не станешь,
чёрный грех свой водой отмывая.
Глупый, веки сомкнув, лоб свой щупает снова:
Не найдётся ли там... то, что есть у святого?!

Огонь

В мире много причин, что огонь возжигают.
Всё живое в огне ненасытном сгорает.
И, хоть облик земли тот огонь изменяет,
Но и сам, пеплом став, умирает.

Ветер

Ветер бьёт и грозит ураганом,
Завихряется снежным бураном.
Иногда он - буран; иногда это смерч, ураган...
Иногда он стихает... блаженный покой навевает.

Как ты ни пачкай золото в г...не,
Оно не упадёт в своей цене.

КИНЗЯГАЛИ АБДУЛЛИН

Без сожалений в жизни не бывает...

И не заметил: ласковое лето,
Как молодость, внезапно проскочило.
А нынче листья жёлтые с рассветом
Дождём холодным осень промочила.

Явления природы - вне сезона.
Поймав, нельзя никак вновь пережить.
Душа же не согласна, есть резоны:
Судьбе наперекор желает жить.

Цветы былого лета там и тут,
Душа моя, ты раздаёшь напрасно.
Эти цветы подобны мигу счастья:
Так просто, по желанью, не цветут.

Природа лето снова возвращает,
Луга цветами яркими порасцветают.
И одного жаль: в зелени травы
Цветут не юности моей цветы, увы ...
Без сожалений в жизни не бывает.

Новогодние бураны

Узорами расписывают рьяно
Дома и улицы, деревья и стога,
Всё сыплют, сыплют белые снега,
Трудяги – новогодние бураны.

И души обновляя спозаранок,
От пыли прошлого их напрочь очищают,
И гладят лица, словно бы ласкают,
Шальные новогодние бураны.

Мужчины – те, которых, если ранит,
Не гнуется и от боли не заплачут.
Но пусть им тоже принесут удачу
Лихие новогодние бураны!

Юности моей гора

Всегда, вернувшись в свой аул родной,
Встречаюсь с памятной Гафар-горой.
И мои думы с милой той горы
Стекаются до юности поры...

...Горы юности... Сколько сердец
Друг для дружки себя раскрывали,
Сколько белых цветов, наконец,
Для влюблённых залогом здесь стали...

...Вновь памяти обозреваю свод,
Ищу в нём милого лица знакомый взгляд,
Вдруг первая любовь ко мне придёт
И юности следы заговорят?!

Но то, что смыто времени дождями,
Выискивая, сердце зря стучит...
Из прошлого ответ не получить,
А каменный утёс – всего лишь камень.

Жизнь

Жизнь – золото, умом её окинув,
Оценку своей жизни надо дать:
Коль жизнь осмысленная – золото; видать,
На ветер выброшенная – мякина.

У каждого есть в жизни свой сундук.
Вопрос: чем ты его, живя, заполнишь.
Коль жизнь была мякиною всего лишь,
То чем наполнишь ты сундук, мой друг?

Кукушка

Зачем природа горе мыкать
Кукушку лишь избрала горемыкой?
Она-то гнёзд своих не строит:
Чужим своё яйцо пристроит.

Детей своих, что «кукушат»
Подбросив, их «мамаши» забывают.
Зачем же люди зло вершат,
«Кукушками» на свете проживая?

«Отец-кукушка, мать-кукушка», -
Такие есть, увы, на свете.
Свои... чужие... люди... дети...
Людские судьбы – не игрушка.

О человеческой судьбе
Зачем так думать легковесно?
Что человеческого в тебе,
Коль ты «кукушка», если честно?

Душа – море

Дно моря – тайн страна. И есть ли тот,
Кто измерял его глубины?
Да, были измерявшие, но тайны вод
Открывших нет, увы, в помине.

Людские души, словно море – тайна.
И не раскрыть её, пусть даже и случайно.
Я в тайниках души твоей не роюсь -
Доволен тем, что ты сама откроешь.

Осенняя грусть

Осень пришла. Перелётные птицы
Уже собираются в стаи.
Крылами взмахнув, тоской нарастая,
Со мною прощается юность.

Грустью осеннею небо теснится;
Листья отжившие ветер листает.
Печально листву рассыпая,
Со мною прощается юность.

Оставшись без птиц, пустой окоём
Дымкою облачной плачет.
Слёзы по сгинувшим дням проливает:
Со мною прощается юность.

Вдруг застучав, успокоясь потом,
Сердце с судьбою судачит.
Согласья с судьбой не принимает...
Старость в душе всколыхнулась.

Мчится поезд жизни

Словно это скорый поезд,
Юность улетает в небыль.
В ярком солнце успокоясь,
Птицы-годы выются в небе.

Да, мой поезд приближается
К остановке той, последней...
Жизнь на этом не кончается:
Поколениям - в наследье.

Поезд-жизнь в тоннеле где-то
Меня ссадит, остановится...
Мчится поезд внуков, деток:
Жизнь моя продолжится.

Урок жизни

Траву лекарственной считал,
А ядовитую сорвал.
Врага своим предполагал,
С ним путь свершений я искал.

И доброта, наверно, победила:
Враги, вдруг, посчитались с этой силой.
Из яда изготовил я лекарство –
Жизнь научила за мои мытарства.

В душе оставив только чувства...

В ночное небо глядя, ты сказала:
«А вон звезда моя блеснула...»
Звезда погасла. Или убежала?
Воспоминанья душу захлестнули.

Ты, может быть, сама звездой была,
Зажглась на небосводе и исчезла.
Мой мир погас. Надежда – вспышкой отцвела,
В душе оставив только чувствам бездну.

Осенние узоры

Осени багряные листочки –
Грустный, увядающий букет.
Душа разорвалась, дойдя до точки,
Жалость в ней, а сожаленья нет.

А сердце пламенем те листья вдаль
Развевало по ветерку шальному.
Очаг осенний про тоску-печаль
Расскажет ли кому-нибудь другому?

Рябинушка, не скрыв тоски своей,
Сгорая от любовной муки,
Парнишке-тальнику через ручей
Протягивает ветви-руки.

А ветер пламя – листья, вроде,
Считает и попарно разделяет.
И грустные мелодии выводит,
Которые мне в душу западают.

А излучение волшебных тех красот
Просвечивает душу, очищает.
Словами всё не высказать, но вот,
Чуть-чуть волшебником себя я ощущаю.

Волшебница – зима

Вчера лишь все окрестные поля,
Мир покрывала чёрная земля.
По людной трассе, в облаке от пыли,
Подводы к горизонту плыли.

А утром встав, в окно что вижу я:
Мой осокорь весь в белое завёрнут.
По улице шальная малышня
На санках катится проворно.

Из пуха шубы что-то вычищая,
В снегу гусей гогочет стая.
По снегу, что белей бумаги был,
Есть отпечатки – кто-то след пробил.

Кто этот мир огромный, целый,
Взял и покрасил краской белой?
Покрасил, только почему
Автограф не оставил никому?

Осенний дождь

Солнце жгучее все травы опалило,
Жаждающим цветам огня хватило.
Всё лето ждали дождик: дни-недели...
А осенью дожди всем надоели.

Вот если б вовремя они пошли,
То как бы летом травы зацвели!
И если б осени надежды оправдали,
То скольким душам исцеленья дали...

В лицо моё холодный дождь летит,
По грязи очень трудно мне идти.
Обдумываю жизнь всю, посезонно:
Не пожелал себе другую и ... резонно:

В душе моей лишь тёплые дожди
Пускай идут всё лето моей жизни.
А дождик ледяной, ты подожди
И осень жизни не секи капризно.
Пусть щедрым будет лето моей жизни...

Свадебные кони

Взмыленные кони в пене белой –
Свадебные кони проскакали.
Новобрачные, на мир взирая смело,
Из саней счастливо рты пораскрывали.

Разукрашенных красивыми кистями,
Свадебных коней вдруг жалко стало:
Для того, чтоб счастье рядом было с нами,
Как летят они, хотя и подустали!

Смотрю на жизнь свою и горечь прочь гоню,
А сердце разрывается от боли:
Ведь нелегко себя приравнивать к коню,
Пусть свадебному, но ведь... поневоле.

Апрель придёт

Апрель придёт и вновь теплом повеет,
Подтаёт снег, земля вздохнёт светло.
Для первых всходов солнце, не жалея,
Подарит негасимое тепло.

Апрель придёт, ручьи начнут свой бег,
Исчезнут льды, что реки полонили.
И солнышко весной не только снег
Растопит: души, что зимой застыли.

Апрель придёт, вернутся птицы петь,
Весь мир мелодией природы обернётся.
Заставив нас на возраст не глядеть,
Пожар любви вновь в души возвернётся.

Апрель придёт и громче стук сердец,
И жизнь надежды новые взлелеет.
Чтоб утвердить весну вконец,
Озимые в полях зазеленеют.

Душица

Готовясь в дальний путь, в дорожную суму
Всегда кладу душицы я пучок.
Как будто бы степей родных клочок,
Беру с собою родину саму...

В краях далёких засаднит душа
И вспомнится далёкий край родной.
Тоску по родине глуша,
Вдыхаю запахи душицы я степной.

Простая травка, но краёв родимых
Красоты, запахи, как-будто бы, витают.
Так лучик маленький собой напоминает
Большого солнца лик неизгладимый.

Река любви

Мы – берега одной большой реки.
Поток любви кипит, летит меж нами.
Но только вот, теченью вопреки,
Наши сердца стремятся к встрече сами.

Со всею силой рассекаю волны,
Чтоб выйти на твой берег обозримый.
Я не могу стоять на берегу безмолвно,
Ведь цель любви – путь проложить к любимой.

Шаловливость прошла

И ты, и я: мы были шаловливы,
Подшучивали вечно друг над дружкой.
Один другую, разыграв шутиливо,
«Люблю...», - частенько говорили дружно.

О юности своей не сожалею.
Её шутиливость в памяти лелею,
Но сожалею, что когда я молод был,
По-настоящему с тобою не шутил.

Промчались годы, оставляя в сердце жалость,
Я повстречал случайно юности подружку...
Тут не до шаловливости, осталось:
Лишь о здоровье спрашивать друг дружку...

Хотя период юности и сгинул,
Я всё же подшутил, увы, несмело:
Увидев в волосах твои седины,
Сказал: «Ну отряхни ты голову от мела!»

Отчий дом

По той земле, где я ступал ногами,
Скучая, возвращусь с годами.
Лишь только я увижу отчий дом,
То в юность окунусь, а в сердце – ком.

И вот сегодня снова я стою
Напротив мне знакомых ставен.
Здесь своё детство я, увы, оставил,
Но на камнях следы рук узнаю.

Всё здесь по-старому: вот сад стоит, маня;
Всё тот забор, надворные постройки.
И тополя листвою шепчут бойко,
Как будто бы приветствуя меня.

Не завалилась старая ограда:
Мной сплетена была для маленького сада.

Всё, как и прежде. Только вот обидно:
Мальчишки шаловливого не видно.

Того мальчонку время изменило,
Добавив в чёрный волос белый цвет...
А ног босых тот детский след
Водою времени бесследно смыло.

К дому отчему не забывается дорога:
Всегда вернуться можно, с опозданием пусть.
Но в прошлое уже заказан путь:
Оно уходит в вечность от порога.

Жизнь – премудрость

Вот говорят: в дележе счастья
Все принимать должны участие.
Но только, где, кому это дано
Раздаривать той драгоценности звено?

Всевышний? Говорят, мол, нет его,
Различные учёные мужи...
А в жизни не видал я никого,
Кто счастье раздавал бы безо лжи.

Эх, эта жизнь! Чтоб выживать,
Её премудрость надо понимать:
Ведь людям это счастье выдают
Везение и непомерный труд.

Сказав, но не подумав...

Сказав, но не подумав, как ни странно,
Нанёс я сердцу друга рану.
«Хоть в шутку скажешь, думай, говоря...»-
Ту мудрость вспомнил я потом не зря.

Друзья злопамятными не бывают:
Они, если друзья, всегда прощают.
Но совести огонь мне досадил:
Он жаром моё сердце опалил.
И думы, словно молния, прошли,
И душу на кусочки рассекли.

Стрелу в полёте не остановить,
Хоть попытается её стрелок словить.
Что сказано, того уж не веротишь,
Хоть и прощения попросишь».

Обновление

Пришла весна и всё вокруг преобразила.
Вернулись гости-птицы певчие в леса.
Снега пронзив своею жизненной силой,
Озимые пробилась к небесам.

Потоки талые в долину потекли
И вдаль себе дорогу проложили.
Вскиная, понеслись неудержимо,
А по пути репыны-льды легко снесли.

А реки, паводками миру угрожая,
Из берегов, вспухая, разлились.
Предвестником хороших урожаев,
Озёрами в долинах разлеглись.

Весь мусор в паводок стряхнув с порога,
Земля оделась в новые одежды.
Трава гусиная вдоль по дороге
Цветы расставила как маяки надежды.

Запел воробушек – внештатный запевала,
Замолкнув только на мгновенье.
И пыль к земле прибил тот дождь весенний:
Природа полной грудью задышала.

Начало дня рождает солнца появленье.
Горит оно, раздав лучи всему на свете.
Всё очищающий, повеял ветер,
В душе я чувствую начало обновленья.

Ветер времени

Найдя себе занятие по нутру,
Один пшеницу веял на ветру.
Летели строго вниз тугие зёрна,
А ветер полову унёс проворно.

В душе скопились мысли. Поутру
Решил провеять их на времени ветру:
Весь легкомыслия нанос
Ветер времени развеял и унёс.
Надеждой, только чистою уже,
Пусть океан мечты волнуется в душе.

Мечты весомые пускай ростки рожают:
Рожденья силища – фундамент урожай.

Берег и волна

Не знаю, где с волной морской
Однажды берег повстречался,
Но навсегда от встречи той
Неравнодушным он остался.

Да и волна, хоть и вольна,
Упорно к берегу стремится,
Бредёт усталая она,
Чтоб на него облокотиться.

И полотенцем бело-пенным
Смахнув с него веков печать,
Отхлынет тихо и степенно,
Оставив берег жить и ждать.

А он с той ветреной подруги,
Которую не удержать,
Не сводит глаз, и в вечном круге
Времени он будет ждать и ждать.

Он твёрд в любви к своей супруге,
Пылка, изменчива она...
Век не насытятся друг другом
Скалистый берег и волна.

Память

Что обещал – всё забываю:
Мол, память тут виной, прости!
Решил, как гвозди забиваю,
На память записи вести.

Блокноты, исписав, меняю,
Не успеваю запастись...
Вот то, что память изменяет,
Всё забываю записать.

Не попрошу...

Богатый иль бедняк,
Святой ты иль бандит,
Смерть никого из нас не пощадит.
Не убежать от смерти,
как бы ни стремился,

Не избежать,
где б ты ни находился.

«Дом вечности» одним стандартом роют:
Длиною, шириной и глубиною.

Вот в головах кому-то ставят мрамор,
Кому-то скромные отходы пилорамы.
Звезда угаснет, завершив круженье,
Придёт мой час, уйду без возраженья.
И у судьбы не попрошу отсрочки,

Замок

(Басня)

На амбар навесили замок.
Огромный, чтоб никто открыть не смог.
Наказали: «На посту ты крепко стой!
Пост твой очень важный, непростой.
Всё богатство в твои дужки отдаём,
Ведь защитника в тебе мы признаём.
Жуликов, воров не подпускай.
Свой-чужой: хоть доверяй, но проверяй!»
Не смыкает глаз замок и день, и ночь.
Грабители ни с чем уходят прочь.
Косыми взглядами амбар проводят...
Но вот что странно: все с усмешкою проходят.
Всё очень просто: доски сзади сгнили.
И там спокойно воры проходили.
Немного времени прошло: с год, может статься...
Нет ни амбара, ни его богатства.
Лишь два столба да створка от ворот.
Всё под дождём гниёт.
Но, развалив проржавленный живот,
Замок наш службу караульную несёт.
Народ-то верит, что замок не подведёт,
Что его ценности никто не украдёт.
...А новые хозяева богатства
Своих охранников имеют, может статься.

Спор

(Басня)

Явью было иль во сне,
По какому волшебству: неясно мне.
В чуланчике холодном (центре спора)
Сошлись три старых головных убора:
Папаха из каракуля, фуражка
да норковая шапка-кочевряжка.
В элитную компанию, без толку,
пыталась вклиниться ещё бейсболка.
Возник меж ними спор, он стал сильнее:
«Чья голова хозяйская главнее?»
Бейсболка пыжилась: «Хозяин-дзюдоист,
В реке – подводник, в танке же – танкист.
Хоть ростиком он, безусловно, мал,
но рейтинг высоко он свой поднял.
Таких хозяев мир ещё не знал!»
Тут норковая шапка усмехнулась:
«Сбавь свой пыл!
Кем при моём хозяине он был?..»
Хозяин мой, хоть пьянью был изрядной,
Но дел немало натворил «незаурядных»!
Папаха: «Доводы все ваши я рассею.
Лишь мой хозяин кукурузу сеял по Расее!
А кто с буржуями был крут?
О нём, ведь, мифы до сих пор живут!

Кто по трибуне туфлем бил и стал орать:
«Я Кузькину вам предоставлю мать!».
С тех пор мир ищет и не может отыскать:
Кто это Кузька, где же его мать?..
Фуражка на папаху лишь взглянула,
как острою иголкою проткнула,
По горлу щёлкнула, уборам подмигнула...
Щелчок по горлу поддержали дружным хором,
Ведь предстоящее приятней всяких споров.
...Проходят годы, с ними и эпоха,
и дни считает строгий календарь...
Историки устроились неплохо:
всё дискутируют, как это было встарь.
Спор головных уборов: был ли он?
А может это ложь, кошмарный сон?..

Три пса

(Басня)

Однажды в тихом переулке старом
Между друзьями-псами вышла ссора.
...Гуляя, Белый пёс в заулке кость нашёл.
Прилёг, той костью насладиться хорошо.
Всё это видя, Чёрный пёс, от ярости дрожа,
Со злобным лаем к месту действия подбежал,
(Свою находку Белый пёс в зубах зажал).
«Кость с переулка этого была и есть моя!»

А Белый пёс в ответ: «Но кость нашёл-то я;
И буду грызть один, ведь мы - друзья!»
Пока ещё до схватки дело не дришло.
И всё мирком бы да ладком прошло,
До драки сей конфуз бы не дорос,
В конфликт вмешался некий Пегий пёс...
(Откуда только чёрт его занёс?)
На ухо Белому шепнул: «Кость за тобой!»
На ухо Чёрному ввернул: «Смелее в бой!»
Весь мир с тобою, рвись вперёд, не сожалей,
Не пожалей бывших друзей, в кровь их разбей!»
...И тут такая между ними вспыхнула война,
Какой не ведали в другие времена,
Какой между друзьями мир не знает!
Из пастей хрип, кровавая слюна стекает.
...Изнемогая, псы бессильно в грязь упали,
Визжа от боли, наспех раны зализали...
И с удивлением, оглядываться стали:
Кто между ними свару запустил?
...А косточки... давно и след простыл.

Бобёр-строитель

(Басня)

Лесному обществу Бобёр решил privately
Построить очень нужный мост, но не бесплатно.
Зашёл он к Волку (тот казной лесной распоряжался):
«Давай решим так, братец Волк, чтоб нам «навар» достался.

Примерно, тысяч за пятьсот мост обойдётся.
А мы запишем миллион. Кто разберётся?
Полмиллиона на двоих, совсем неплохо!
Ну как, брат Волк, достанем их,
обчистим «лохов»?!...

...Построил наш Бобёр мосток всего
из нескольких досок.

Лесной народец тот мосточек обходил.
Он под ногами, словно палуба, ходил.
Ревизия. В ней сам Медведь: и председатель, и судья.
Сказал судья: «Эй ты, Бобёр! А совесть где твоя?
Нет ни моста, ни денег нет, куда они пропали?
Тюремный срок на много лет вы с Волком подписали.
У нас с коррупцией борьба, вы знаете, наверно.
Вас ждёт тяжёлая судьба: накажем соразмерно!»
Бобёр ответил: «Эх, Медведь! Суду я сам не рад.
Очнитесь, эти деньги, ведь, не воровство – откат!
Вон хитрый Лис-рецидивист. С курятника кур крал.
А куры – общее добро. Что? Это он не знал?
Его сажай, а нас не трожь, не воры мы, ты сам поймёшь.
Сейчас такое время, брат, стучим себе: тук-тук, от-кат...
А яму-то под нас не рой; и дело наше ты закрой.
Озолотим тебя стократ. Бери откат!
Медведь стеснительно вздохнул,
Деньжонки со стола смахнул...
Был очень мягким приговор: «Предупреждение, -
За якобы, - ...имело место быть там превышение...».

Коза и овца

(Басня)

Ломали головы в верхах: кого куда поставить,
Ведь за Козою огород с капустой не оставить.
Овца, решили, подойдёт: капусту та не тронет.
А, коль чужой кто забредёт: проблеет и прогонит.
Зашла к Овце Коза на днях: «Не скрою, ты – красива!
Да и капуста просто...ах! Не заглянуть – нет силы!»
От слов хвalebных о красе, растаяла Овечка.
И стала другом той Козе и ныне, и навечно.
Сомнамбулой, Овца Козе: «Прошу вас, в гости просим!»
Капусту ту, во всей красе, хвалили все в ту осень...
С верхов был послан ревизор: ни огорода, ни капусты!
Нет сумм на новенький забор, в Овечьей кассе пусто...
Чиновник голову ломал: «Что доложить верхам?»,
...С Козы он часто взятки драл, Козлом, ведь был он сам.

Вороны

(Басня)

Вороны собрались на слёт и гвалтом всех «достали»:
«Та партия спасёт народ, которую лишь мы создали!»
«ЕдиноВор» ы-партия для вас, для птичьего народа!
На чёрных крыльях мы несём достаток
в гнёзда и свободу.
Вот лето кончилось. Для птиц ненастье наступило.
А там и долгая зима за крылышки схватила.

«И я - певец, - чирикнул воробей, -
И мне указ черкни-ка поскорей!
«Народного»...мне многовато, не...
А на «заслуженного», потяну вполне!
В искусстве пения, лишь я
Перечирикну Соловья.
Сама Ворона хвалит, что таких, мол, мало,
Кукушка хвалит; и рецензию прислала».
Орёл ответил: «Возвращайся-ка домой!
Накаркали тебе, будь сам собой
И из-под застрехи больше не чирикай:
Мол, я – певец великий!
Вон, червячков в земле ищи, чуть свет...».
Ну что тут скажешь: правильный совет!
В искусстве ныне пёстренький народ...
И воробьёв плодит он каждый год!
Но нет Орла, чтоб правду высказал.
Всю правду, глядя им в глаза!

Медведь - академик

(Басня)

Однажды к Медведю Лисица пришла.
Спросив о здоровье, вопрос задала:
-«Не хочешь в науку, брат Миша? Пора!
Твои одногодки уже доктора...
Дружки мои, вон, «доктора» все подряд!

Коль дашь им «на лапу» - тебе сотворят!»...
«Дык, - фыркнул Медведь, ковыряясь в носу, -
Могу лишь еду отыскать я в лесу...
Сестрица, смогу ли учёным-то стать?
Неграмотный ведь: не умею читать».
«В лесу, - отвечала Лиса, не до знания, -
Главное – степень в кармане, признание...
Вон, Волку я доктором стать помогла...
Отару овечек угнал: все дела!
Сейчас – большой спец в разведение овец
Живёт он в богатстве, не тужит, подлец...
Заяц прискакивал с просьбой: «Устрой...»
«В науку хочу, - мол, хоть я и косой».
Ну, «докторская...» для него – многовато...
Он походил бы у нас «кандидатом».
Конфуз получился: когда «обмывали»,
Съели его, невзначай, не признали...
«Ладно, Лиса, что же мне заплатить,
Чтоб ваш этот ВАК с потрохами купить?»
«Тащи бочку мёду, да кур, да бычка,
Да рыбки слови... Ну и хватит пока...
Дань академикам, курицы - мне...
Сойдёмся на этой, сильной цене.
Доставив всё это до «царственных» рук,
Медведь теперь – доктор берложных наук!
Теперь Косолапый за мёдом не ходит:
«Научной» работою пищу находит.

И для безбедного существования.
Вывел теорию, всем в назидание:
Учит теперь он лосиное стадо-
Что долгой зимою лосям делать надо...
Наука Медведя стара и избита:
В берлоге лежать, в рот засунув копыто!

Борьба

(Басня)

Царь Медведь всех родичей собрал,
Чтоб провести одну из важных операций:
Выбрать новых глав администраций.
Как представители зверей, там были Волк с Лисой,
Косой «Мандатку» не прошёл: мол, из себя не строй!»
Увидели: с лица царя не сходит тень сомнения.
Он бросил клич, глаза горят, взывая к ЕДИНЕНИЮ:
«Эй, родичи! Страна в беде, к упадку подползает
Страны богатства нынче где? Куда-то исчезают.
Наш пережиток-воровство!

С него, мол, «взятки гладки!»

Махровым цветом расцвели: коррупция и взятки...
Никто, ведь, до сих пор не знает: куда же улы улетают.
Кто-то ворует, мразь, подлец, а кто-то...заставляет!
На фермах списки есть овец, но вот...не совпадают.
Скажите: кто хоть режет их? Опять никто не знает.
По пальцам Кур всех перечесть.
И те, вдруг, пропадают...»

Тут микрофон Лиса взяла:
«Медведь, отложим все дела.
Воровству, тянущему ко дну,
Объявим беспощадную войну!
До последней курицы бороться будем,
Но истребим воров и... позабудем!»
Волк: «Не краснеют у воров тех лица,
Нет, чтоб с другими поделиться!
Коль дело дальше так пойдёт,
останемся мы без овечек, вот!..
Не наложить ли, будь здоров!,
огромных штрафов на воров?...»
Медведи с доводами дружно согласились,
«Единоголосное решенье» тут же огласилось:
Бороться с воровством вернёмся
к вотчинам своим,
Богатства же страны (хоть для себя),
но сохраним!»
Страну, как ураганом захватило:
Накал борьбы вновь вспыхнул, что есть силы!..
Остатки всех богатств борьбой куда-то смыло.
...И вот борцам работы не осталось:
По жирному куску им всем досталось!

Медведь и Волки

Взбешённые Медвежьей наглостью, бесчестностью,
Собрались на саммит Волки всех окрестностей.
Главный Волк тут держит речь:

«Медведь вышел из правил,

К своей (и так большой!) стране ещё кусок добавил!

На Заячьей земле война из-за морковных гряд,

То Русаки бьют Беляков, то Беляки теснят...

Подзуживает всех Медведь,

Несут урон все Зайцы, ведь!

Мы не коварны, как Медведь, честнее всех зверей.

Собратьев Зайцев защитить должны мы поскорей.

Мёд любит лакомка Медведь, а нам не выделяет.

Он любит мёд, а вот Пчела без мёда вымирает.

В овчарни наши заходил, подав дурной пример,

У озера не раз бродил с сетями, браконьер!

Такие подлости его никак нам не понять.

Тут следует против него крутые санкции принять:

Впредь Мёда пусть Медведь не ест и ягоды не собирает,

И рыбу с рек или озёр он в пищу не употребляет,

Пускай законы волчьи исполняет».

Все члены саммита ушли, довольные собой.

Мол, санкции своё возьмут - притихнет наш герой!

А что ответил им Медведь?! Мёд ел он, ест и будет.

Он по своим законам жил, живёт и дальше будет.

Сорока-депутат

С сорокой что-то приключилось:

Сорока во все тяжкие пустилась.

Букашек на земле не ищет схроны,

Как её родня Ворона.

Застынет, голову склонив, подскочит.

Вдруг беспричинно застрекочет...

Там новость выдаёт,

Тут что-то протрещит, как пулемёт...

И слов никто не разберёт:

Всем обещания даёт.

Мол, станет депутатом, сразу

Исполнит птичьи все наказания.

«Коль за меня поставите вы «птичку»,

То знайте, уважаемые птички:

Ночи темнее будут, чтоб вы крепче спали;

А днями солнце ярче греть вас станет!»

Поймите, жизнь улучшится

Изрядно:

Зима помягче станет,

Лето же – прохладным.

Воробьи клевать будут без спроса

Одно отборнейшее просо.

Вороны гнёзда выстроят без мук

Из импортного дерева «бамбук».

Чтобы количество птенцов утроить,

Новейший инкубатор вам построю.

Тогда и Коршунам где будет прокормиться,
Да и Кукушкина проблема разрешится:
Не будет яйца отдавать куда-то,
А сразу, в инкубатор.
Чем бесполезно в роще куковать,
Пускай мою программу станет прославлять!»
Приречный тальник – сцену Соловья
Заменю концертным залом я.
Назову определённо:
Залом для Влюблённых.
В Книгу рекордов Гиннеса
Полёты Ласточкины занесу.
Её полёты, как стрела из лука,
Сама видала, тут моя порука!
...В митинг выборы не превращая,
Беспорядков не совершая,
Птицы выбрали единогласно
Сороку в Думу, да вот, напрасно...
Зимы, вёсны проходят,
За вёснами лето приходит...
Обещанного ждёт электорат,
Не год, не два, а года три подряд...
...Результатов сказки
Ожидать не стану:
Стрекот по-сорочьи –
Болтовня пустая!

Капелька и снежинка

Полосует грязный снег
Лучистая камча весны.
Облачно. А на окне
Одинокой Капле снятся сны:
Вот- вот солнышки придёт,
Влагой Каплю разопрёт,
Кап - кап - капнет сразу вниз
И исчезнет под карниз.
Что- то небо не проясняется,
От облаков что- то не очищается.
Тут рядом, оказав ей милость,
С Капелькой Снежинка примостилась.
Капелька: « Сестрица! Как я рада!
Награда для меня: на пару вниз уйдём.
В объятьях ручейка, в далёкий водоём
Мы уплывём!..»
Снежинка ей: « Ты, капля! Мы похожи?
Ведь, у тебя « ни кожи и ни рожи»!
Мечту бескрылую ты смела ляпнуть
О том, как поскорей на землю капнуть.
Но я - не ты! И в этом вся различка:
Ведь я – кость белая, а ты – мужичка!
Таких, как я, красавиц, больше нет,
Хоть обойди весь белый свет.
Вот сейчас немножко отдохну
И в небеса опять махну.

Восхищенья всей Вселенной я хочу.
В объятья звезд!.. Лечу!..»
Тут – то выглянуло солнце,
Капля влагу выпила до донца.
От Снежинки на стекле
Чуть заметен блеклый след.
...Ну что сказать? Взлёт – хорошо.
Взлёт – увлекательно и смело!
Но забывать: откуда ты пришёл...
Не дело!

ХАЛИДА АЛТЫНБАЕВА

Памятник

«Я памятник себе воздвиг...»

А.С. Пушкин

Выдавливает насильно стих
Из сердца, со слезой – Аллах, прости!
Писать изжёванные мудрости-
Нет времени и случая, и сил.

Жизнь наступила – нынче ведь, с руки:
Тычки-толчки и непрерывный бег,
Бег за деньгою наперегонки:
Или догнать, или лицом – в грязь, снег...

Остановись минутку на бегу
И призадумайся... Авось, поможет.
За призраком гоняясь, на беду,
И в дураках остаться можешь.

Богатства, ведь, «Туда» не заберёшь:
Гримасы жизни и Её – Фортуны.
Богатство обретёшь – не обретёшь –
Уж лучше о душе подумай.

Наверно, хватит и клочка земли
Под холмиком могильным возлежать.
Зачем же жизнь короткую, внемли,
И душу свою чёрту задолжать?

Какой же памятник себе ты воздвигал,
(Мол, памятью пребудет мне вовек) ...
Построил дом, ребёнка воспитал,
И дерево взрастил ты, человек?

Мне памятник – моих стихов строка,
Три дочери послушных, это знаю.
...Тянусь я к совершенству, а пока...
По каплям кровь из сердца выжимаю.

Творчество

С одиночеством наедине,
Одинокой себя не считаю.
И судьбу, что дарована мне,
Никому отдавать не желаю.

Ангел мой, что следит за судьбой,
Напевает стихов новых строчки.
И торопит, зовёт за собой...
И бежит карандаш по листочку.

Цель моя: безо всяких затей
В море творчества плыть до финала.
А других мне не надо путей,
Я другие пути оборвала.

Мне наперсницы-звёзды горят,
Шлют лучи как подарок Вселенной.
И прошу их, благодаря,
Только веры прошу смиренно,
Только дара писать не зря.

Надежда

Время, истекая, убывает:
Дни, месяцы – речной водоворот.
Надеются на следующий год,
На будущее люди уповают.
Прошлая несбыточность надежд
Не очень человека угнетает.

В глубинах прошлого несбывшееся тает,
Оставив место для других надежд.

И пусть надежды белые, как снег,
Укроют душу и её очистят,
Чтобы она летела в небе чистом...
Надеждой жив бывает человек.

Просто поэтесса

Ты прав, я – просто поэтесса.
Что тут поделаешь, не шеф, не рвусь на части,
К богатству не имею интереса,
Поэзия – вот счастье.

Возможно, колесо моей фортуны
Катится по земле, ломая спицы,
Но не зачахла, не пропала втуне:
Душа моя – взлетающая птица.

И голову по рабски не склоняю,
В благое верую, мне чужд запретный плод,

На крыльях вдохновения взлетаю,
Туда, где так свободен неба свод!

Писать стихи, другого не желаю,
И этому судьбы подарку рада.
И знаю, когда крылья расправляю:
Быть просто поэтессой – вот награда!

Омовение

О, если бы представить на мгновенье:
Я, Водолей, свершила миру омовение.
И в этом мире чистом, безгреховном,
Жизнь началась насыщенной духовно.

Не в небе, Человек, твой райский сад.
Не преврати его в крошечный ад.
Тебе ведь жить на этом белом свете,
Оставь его цветущим своим детям.

Ты – плод любви, и на земле живущий.
Земным не нужно клонов в мире сущем.
Любовь в высоких чувствах так богата,
Что не предпочитает суррогата.

Грядущее темно, коль дух погаснет,
Коль светел лик души, то день твой ясен.
Раздай лучи души, как солнце летнее,
Живи, о Человек, тысячелетия.

Легко тебе, святая ты душа!
А что же остальным нам делать?
Устала я препоны разрушать,
Что ставит между нами демон.

Тебе я благодарна и за то,
Что сердце вдруг не обратилось в камень,
Что, как от веточки оторванный листок,
В грязь не затоптана ногами.

Принадлежит, увы, весь белый свет
Завистникам, лъстецам закоренелым.
Устала я: душе покоя нет,
Одной душе на этом свете белом.

Легко тебе, святая ты душа!
А мне, скажи, что остаётся делать?
Ведь общность судеб не даёт дышать,
Петлёй аркана стягивая тело.

А сердце заморочено пока,
Тобой ему не вечно тяготиться.
Когда душа уйдёт за облака,
Я от всего смогу освободиться.

Однажды...

Природы очень странная игра:
Снег падал на зелёные листки.
Им дела нет: пришла пора –
Они – юны, от смерти далеки.

И даже осень странной приключилась:
Листики на ветках не желтели долго...
И вдруг, однажды, золотом покрылись
Деревья за окошком волглым.

Природе удивляюсь вновь и вновь.
(В который раз склоняюсь перед нею):
Средь жёлто-красного и бурого цветов,
Цвет жизненный упорно зеленеет.

Листики в предзимье жёлтыми не стали,
Ещё живые и зелёные, пропали:

Однажды, вдруг, оборвались, опали –
Под снег холодный, замертво, упали.

Бегство

Жизнь идёт, жизнь клокочет, кипит, суетлива.
Но всё это – вдали и совсем без меня.
Гложет бремя обид горьких, несправедливых...
И слепа, и глуха я: душа без огня.
Головою в песок, словно страус, зарылась,
Безразлична к тому, что сейчас: день иль ночь...
Сердце-камень, живого в нём нет – испарилось,
И душа на замок преогромный закрылась,
Да и ключ от него мною выброшен прочь.

«Кто дал душу, даст пищу...», - сказал нам Аллах:
Хоть душа чуть жива – нет меня, умерла.
Но нельзя же, нельзя... Надоело так жить!
Пусть пробьёт чей-то лук, чтоб стрелой оживить.

Народ сам знает

Народ сам знает – есть всему цена:
Где хитрость и позор, где белизна.
И пусть по сорок дважды лет пройдёт,
След чёрных дел народ всегда найдёт.

Чиновники кичатся властью, силой.
Их время злое, проходя, не уходило.
Цветами осыпаем их могилы –
Народ всё знал, молчал... И это было.

Нахальные, без совести, без веры,
Измученные жадностью без меры,
Своей вины перед людьми не признавая,
Того, что в пекло попадут, не понимают.

Лишь деньгам молятся, не узнают в упор
И родича, коль беден и не вор.
А издали: ну ангелы, хоть в святцы!
На деле: женщины, готовые продаться.

Народ сам чувствует, он видит, знает,
Пусть запоздало, но оценит и признает:
Чьи жизни бесполезно пролетели,
А чьи служили благородной цели.

Закат

Любить закаты, грустные до боли,
Недавно пристрастилась я, к несчастью:
От розовой зари за дальним полем
Душа моя расколота на части.

Глаза кричат, растерянно моргают:
Ведь было солнце, было, несомненно!..
Последний луч за горизонтом тает,
Как будто бы прощаясь с миром бранным.

Жизнь человека Солнцу – миг короткий:
Рассвет, закат, и всё это приснилось.
Кому-то солнце улыбалось кротко,
А для кого-то в облаках укрылось.

Всё преходяще, всё проходит: страсти,
И молодость, и первая любовь...
Но, всё-таки, жизнь на Земле не гаснет,
Как солнышко, восходит вновь и вновь.

Апокалипсис

Земля от взрывов стонет, голосит:
Народ забыл сей мудрости господней,
Что колесо, слетевшее с оси,
Докатится до самой преисподней.

И снова на планете нашей войны,
И снова взрывов ядерный Содом...
Мы – дьяволы, рабы и не достойны
Того, что шар земной – наш общий дом?!

Златая колыбель – Земля – в кручине:
«О век святой, век Водолея!
Ну, неужели вывелись мужчины,
Чтобы беречь меня, лелеять?!»

И если снова к вере не придут
Наследники библейского Адама,
То взрывы нашу Землю разнесут,
Как одуванчик... И не станет Дома.

В глубинах Космоса жемчужиной одной
Пока что суждено Земле скитаться.
Так бережём,
Как очи, шар Земной,
Чтоб "homo sapiens" считаться.

Мой сад

Домой из дальних странствий возвратилась,
Где ждёт меня осиротевший сад:
Замёрзли яблони и вишня обломилась,
И ягоды малины выбил град.

Но поправимо все: ведь не засохли
Моей души мятущейся цветы.
Их корни ещё живы, не заглохли,
Как и соратники – мелодии мечты.

Моё богатство – сад души, и знаю,
Что сорнякам его не полонить.
Его я благодарно поливаю,
Как-будто продлеваю жизни нить.

Вечность

Мне имя Вечность дал отец покойный,
Вложив в него мечту свою о том,
Что будет жизнь моя безбрежной и достойной,
Цепочкой вечной, что струится серебром.

А я – звено её, и потому я вечна.
Пусть жизнь моя для вечности – момент,
Но я звено в цепочке жизни бесконечной:
Есть дети, внуки – мой главнейший аргумент.

Мне скажут: жизнь – сумятица, сомненья,
И лишь в земле найдём покой конечный...
Но не порвать моей цепочки звенья,
Ведь жизнь прекрасна, потому что вечна!

* Халида – в переводе с арабского – вечность.

ЗИНИЯ БАЙНАЗАРОВА

Ночи дочь

Я – ночи дочь. И потому, наверно,
Мне как-то неуютен яркий день.
И солнышко моё встаёт неверно;
Заплатами на полдне: свет и тень.

По небу моему горбушкой месяц,
На юное лицо – морщинок тень,
И в беге белые туманы месит
Дней моей жизни
Лунный призрачный олень.

Только листья осыпаются

Задумался, хотел что-то сказать,
След искорки блеснул в твоих глазах...
Излишне был взволнован ты, видать...
Хотел что-то сказать, но не сказал.

Не рассказал ты о любви ни слова.
Слова, душой сокрытые, болят.

Но прочитала я во взгляде снова:
Уж очень выразителен твой взгляд.

Так не таи же от меня, не прячь ты взгляда...
И нежных слов ты не жалеи, не надо.
И если вместе наша жизнь была
Цветами бы, наверно, расцвела.

И души тянутся, но только вместе быть
Не сможем, мы похожи, даже слишком.
Поняв всё это, чтобы нас разжалобить,
Листочки клёна осыпаются неслышно.

Два мира

Первый мир: мир - реальность; а другой – мечта.
В двух мирах вся жизнь моя идёт.
Реальность для меня – лишь пустота,
В мечтах – мелодия волшебная течёт.
В реальности – снега холодные метут,
Любимого нет рядом, жизнь без цели,
В мечтах – цветы роскошно-белые цветут,
И милый рядом на яру Идели.
В реальности – друг друга мы любили.
Зачем расстались? Может, разлюбили?
В мечтах своих – тебя реально вижу,
Люблю, секретами делюсь... и ненавижу.

Вернулось счастье

Я плачущую душу забрала, рванулась в небо...
И память ноющую соткала в тумана небыль...
Послушный горизонт без берегов
Покоя в чувствах не нашёл и был таков...
А половодье чувств волной стучит о берег...
Мол, счастья всё же нет со мной, но ум не верит...
И мыслей путы разорвав, и сети сна,
Дверь запертую разломав на части:
«О, мама, скрылась пелена, вернулось счастье!»

Эх, юность, слов не хватит мне на это,
Чтоб сущность твоя ярко уяснилась.
В один из распрекраснейших рассветов,
Любви моей дверь настежь отворилась.

В стране волшебной, сказочной земли,
Город мой, в чудесной дымке таешь.
И ты, любимый, от меня вдали,
В сердце яркий лучик зажигаешь.

Не вечна молодость, проходит как виденье.
Любовь – судьбы подарок драгоценный,
Любовь – души и тела единенье...
Зачем мне пол-любви, в чём её ценность?

ЗИННАТ БИКБОВ

Поймите же...

Когда друзья стихи мои читают,
То спрашивают, как бы невзначай:
«Зачем же твои строки воспевают
Лишь горечь одиночества, печаль?..»
Поймите же: стихи свои слагаю
Я на мелодии, что где-то там, в душе.
И есть в них нотки грусти, полагаю,
По юности, что пронеслась уже.
Когда совсем от грустных мыслей тесно,
Беру я карандаш, один в ночи...
И вырывается из сердца песня,
Горит и тает пламенем свечи.
Я тороплюсь успеть спеть эту песню,
Воспеть в ней с детства близкие края.
Душе становится от песни тесно...
Я жизнь люблю,
Она ведь и моя.

Зимние бураны

Гремя беспечно форточкой оконной,
Буран нашёл занятие по сезону.
Он, то затихнет, то вновь захочет.
Мне вспомнилось: таким же белым днём
Бродили по бурану мы вдвоём...

Буран крепчал, но, не смотря на это,
Ты открывала мне все девичьи секреты.
Как белый снег, твой взор был чист и мил!
Он к снегу ревностью мне душу охлаждал...
Стою у форточки один, но, как ни странно,
Мне твои тайны шепчут белые бураны.
Снежинки крутятся, неясен их полёт.
Он, с лёгкой завистью, воспоминания зовёт...
Вспять годы, как это ни странно:
Молодость, любовь, бураны...

ШАГИТ БУКАНБАЕВ

Из фронтовых писем

Когда шагал я по войне,
Одно давало силы мне:
Чтоб холмики родных могил
Ногою враг не осквернил.

Счёт боям на много дней:
Город Ленина в огне.
Только северной столицы
Не видать поганым фрицам!

Настанет час, настанет:
Верь и жди,
Победный час, для нас он нерушим.
Он недалёк тот час,
Он впереди...
Пусть знает враг: его мы сокрушим!

Солдат, которого ты ждёшь,
Идёт Карельской стороной.
Со мной ты в карточке живёшь,
Твой образ и в бою со мной.

Изумруд тугаёв часто снится мне,
Белый снег, что в родной стороне.
Мы вернёмся с весенними птицами,
Победим мы на этой войне.

Идём вперёд, и смерть нас не страшит:
Ведь мы же побеждаем на войне!
Поведал бы о радостях души,
Но только вас, родные, рядом нет.

Друзья! Известный вам Шагит
Шагает по горам крутым,
И ищет взором вас сквозь дым,
Но где вы?.. Взгляд не долетит.

Погибну, и не вспомнят до поры...
Гоню такие мысли, твёрдо зная:
Ведь помнят улицы родимой Канчуры
Ею возвращённого Шагит-агая.

Погибну на полях войны,
Меня полюбит мать – сыра земля.
И понесёт последний мой салям
Холодный ветер мёртвой тишины.

ФАТИМА ГАЛИЕВА

Волчица – мать

Флажками красными окаймлена,
Я - одинокая волчица мать.
Со мною дети, значит, я должна
Спасать волчат, мне сил не занимать.

Всё уже круг загона. Шум и гам.
И не кусты – стволы на всём пути.
А дети прижимаются к ногам,
Я рвусь сквозь круг, пытаюсь их спасти.

Крик мой неслышен. Видно, пасть костьми.
Надежды нет, а выстрелов не счесть.
Эй, люди, люди! Будьте же людьми:
У вас, наверно, тоже дети есть.

Поймите... Ведь убийства – не игра,
Нам предназначенные пули эти
Убьют и вас, от нас отрекошетив,
Ведь мы едины, призадумайтесь,
Пора!

Остывший очаг

Не мучаюсь, страдая, не томлюсь,
И сломанным цветком быть не стремлюсь.
Былое не вернёшь, как ни зови,
Не воротиться умершей любви.

Я памяти не трогаю больной,
А рана заживёт сама собой.
И на вопрос резонный: «Для чего?»
Не отыскать ответа. Нет его.

Ты ради интереса, не спеши
Воспоминаний угли ворошить.
Не вороши очаг любви, она дотла
Сгорела... Только пепел и зола.

Не трогай. Пусть по ветру не летит,
На сердце пусть нетронутой лежит.
Любовь непредсказуема и зла:
Ей дорога и мёртвая зола.

Залили из ведра водой холодной, злющей,
Горевший до утра очаг, теплом поющий.
Постойте, уходя, на тот очаг взгляните
И, обернувшись, походя, назад вы посмотрите.
Не оглянулись, нет.
Дорогу начиная,
Нельзя назад смотреть: традиция такая.
Очаг, чуть пошипев, погас давно уже...
Вот только облачно на сердце и в душе.

Черёмуха вновь зацвела –
Пахучим облаком весенним.
А год назад, порой осенней,
Поломанной, больной была.

Неплодоносною была:
Душа изломанная ныла...
Но вот, остались ещё силы –
Раскинуть веточки смогла.

Они-то, у неё набравшись сил,
Грозди развесили изящные...
Лишь тот живёт по- настоящему,
Кто, как черёмуха - простил.

«Да нет любви! И коли сможешь,
Обратное мне докажи...», - тревожишь
Меня ты репликой такою.
Тут сложно доказать, не скрою.

...Ну как с рождения слепому
Цвет моря объяснить искомый?
Ну как глухому разъяснить
Мелодий Моцартовских нить?

...По мне: весь мир – Страна любви!
Она свободна – Позови!

Легче, наверно, мне стало бы

Высказать что-то заветное,
Выплакать ветру рассветному...
Он пожалел бы усталую.

Но беды свои позаброшу,
Как камни, их прочь раскидаю.
Я губы свои искусаю,
Но донесу свою ношу.

Защитника нет моей доле,
А беды сжигают, горят...
«Ты сильная», - мне говорят,
Я – сильная, но поневоле.

Храни надежду

Тепло придёт ещё, я знаю,
И солнце снова улыбнётся.
Оковы счастья разорвутся,
И обруч ледяной растает.

Цветы ведь тоже увядают
И замирают, как во сне.
Но стоит протрубить весне,
Они мгновенно расцветают.

А мир прекрасен, что ни говори,
Те дни придут, счастливейшие дни!
Зерно надежды в сердце сохрани,

На день грядущий только не смотри.

Счастливым день

Бесцветным был тот день

и сереньким, отчасти...

Откуда на меня

свалилось это счастье?

...Один лишь только раз

случайно повстречались,

И парой общих фраз

случайно обменялись.

Старались не смотреть

в глаза, расстались молча.

...И начал вдруг звенеть

тихонько колокольчик...

Дервиш

Я - только дервиш в преходящем этом мире.

Путь в вечность был всегда моим кумиром.

И каждый день пути, что мной испытан,

Как-будто сладостный напиток.

Пусть умники друг друга убирают,

Блага земные в драках собирают...

Голодною была иль сытой на привалах,

Рабой богатства никогда я не бывала.

Напрасно трачу, мол, я жизнь без цели,

Когда заслушиваюсь соловьиной трелью,

Когда цветком люблюсь, небосводом,

Когда задумаюсь о таинстве природы.

Сутяжничества не воспринимаю,

Шагаю налегке и напеваю,

Мой путь – дорога, в серебре роса...

Такой меня создали небеса.

Ты тоже дервиш? Рядышком иди.

Гляди: рассветный лучик впереди.

Судьбы моей солёный ветер

Притих, за горизонтом скрылся.

Уютный домик развалился,

А с ним мечты... и всё на свете.

Увижу ль через те обломки

Я светлый и красивый мир?

...А сквозь судьбы жестокий пир

Цветок пробился. Синий, тонкий.

Дорожкой лунной, словно сетью,

Процеживая синь простора,

Огромный месяц ярко светит,

Купальщиц ловит – звёзды в море.

Мир спит. До раннего утра

Затихло пенье птиц. Пора.

Вьюнок к ограде привалился,

И синий глаз его закрылся.

Девочка-подросток

Ручки худые, короткое платье,
Она длиннонога, с личиком острым.
Живой интерес ко всему, воспримья
У этой весёлой девчушки-подростка.

Скрывает смешинки: мол, я – рассердилась,
Сдвинула бровки, как-будто бы, грозно,
И тут же задумчивой стала, серьёзной,
Во взгляде грустинки искра затаилась.

Что в этой почке – поди угадай,
Сколько эмоций в ней пробушевало!
А солнышко личико ей целовало,
Злато веснушек даря через край.

Почаще бы солнце её целовало...
Пусть яблонькою подрастёт и созреет.
И ветерки бы её баловали,
Пусть юности соком она заалееет.

Четверостишья

У каждого ведра, подряд,
Есть своя крышка, говорят.
Всю жизнь в исканьях проведёшь,

Пока ту крышечку найдёшь.

Судьбу нещадно поносил:
Нехватка денег, славы, сил...
Он недоволен: жалоб тьма,
Но нет среди них «на счёт ума».

Слова его легки, полны апломба,
Но вниз летят они, что птичья «бомба».
Дерьмо всплывёт, понятно это мне,
А ценности, увы, всегда на дне.

Поймут...

Терзаясь тем, что все его забыли,
Ребёнок тихо плачет в колыбели.
Что приключилось, что ребёнка гложет -
Ответить малое дитя не может.
А рядом близкие и малышу внимают,
Но почему его не понимают?
...Эх, малышок... Задумаешься тут:
Заговорю, мол, вот тогда поймут!

МУХАММАТ ИЛЬБАЕВ

А липа...та пошла на лыко
Дубраве липа говорила:

«Мне солнышко не заслоняйте,
Чтобы светило, так и знайте,
Лишь для меня одной светило».

Так липа кроной разрасталась.
И ею небо всё закрыто.
Дубам же через это сито
Немного солнышко осталось.

От жизни той раздулась липа,
Пьёт солнце жадными губами...
Дубы остались дубами,
А липа...та пошла на лыко.

Дождь

Меж гор, в лесистой котловине,
Как-будто бы, медведь проснулся.
От звука этого в долине
Подрост дубовый ужаснулся.
А, может быть, огромный жернов
Муку гороховую мелет;
То загрохочет в напряженье,
То вдруг свой адский бег замедлит?
Иль див природою разбужен
И землю сотрясает хмуро?
Или шайтана дом разрушен
От пляски «Северных амуров»?

Грохочут пушки, сабель блеск...
Враги, что ль, в прятки там играют?
И землю всю умыв окрест,
Дожди... И молнии сверкают.

А над горами конь крылатый.
Своя, ведь, у него работа...
И с гривы длинной и лохматой
К земле летят потоки пота.

Расулу Гамзатову

Стихи твои, поэт, я прочитал.
Из них я кое-что в душе соткал.
Их пламя обжигает до нутра
От разожжённого тобой костра.
Зажигаешь горизонт с утра,
Ты окруте новый день приносишь.
В пламени и твоего костра
Дагестан сверкает, плодоносит.
Возмездие врагу здесь с древности осталось,
В наследство внукам, правнукам досталось.
На земле изменчива лишь мода,
Но я видал: как по горам летит свобода
Мелодиею в бурке горской,
Наряд тот постоянный, пусть неброский.

Стихи читая, дружбы я нашёл
Накрытый щедрою горянкой стол.
Набегов нет, как нет и кровной мести,
Народы здесь живут по-братски, вместе.
Здесь песни, что поэты создают,
Как-будто горы небесам поют.
Здесь мужество поэта только в том,
Чтоб быть с народом...слава же – потом!

Болезненное состояние

Здоровые больных не понимают.
Тех по походке видно, тяжело вздыхают.
Помягче себе место выбирают,
(Как-будто «Там» лежанку пухом покрывают)
Дверь - нараспашку у больных и день, и ночь.
Всем, кто войти в неё непрочь.
Слова Аллаха: «не пришёл я – знать, так надо.
Пришедшие вместо меня – тебе награда.
Они, пришедшие – как караул мой чёткий,
А дни твои подсчитаны на чётках...»

Где-то сумятица знаком беды,

А здесь...не поданный глоток воды.

Луна

Всю жизнь луну искал свою вокруг.
Луна была – чем дышут, чем живут.
Был каплей мёда, лунно-жёлтою тот круг,
Был кругом масла, ярко-жёлтого тот круг.
Ну, нет, глаза мои ни капельки не врут.
Со дня влюблённости в луну, был как в бреду.
И рот, и нос мой-то в масле, то в меду!
Насытились глаза, что на луну взирают,
Душа голодная пресыщенность не знает.
Луну ты своей нежною рукой,
Где б ни был я, подвесь передо мной.

Стихи мои

Стихи мои, частенько были вы
Брыкливым жеребёночком в загоне,
Не признающим хомута закона,
Вкусившим волю, запаха травы.

Стихи мои - заботливой рукою
Шуба, скроенная из небесной сини.
А тот, кто шубу на себя накинёт,
Согреется ли лютою зимою?

Стихи мои, как крылья сизой птицы,

Прорвутся ль в небеса, где нет границы?
Доставят ли последний мой привет
Тем людям, что родней на свете нет?

Стихи мои, а может вы – лисица,
Что след свой неустанно замечает,
И от охотника, петляя, убегает,
Чтоб от проблем насущных в норке скрыться?

Стихи мои, ведь вы к теплу и свету-
Калитка, что открыта для сердец.
Вот только, для шального ветра
Пусть не стучит она!», - сказал отец.

А ветер времени сдувает каждый год,
И на лице морщины пролегли...
Но, чтоб сберечь лицо родной Земли,
Стих мой, пролей рабочий пот!

РАМИЛЯ ИСЯНГУЛОВА

Жизнь – нити маленький клубочек

Жизнь – нити маленький клубочек...
Разматываясь, он летит, он вьётся.
И вдруг, на стыке дня и ночи,
На перепутье оборвётся.

Жизнь – нити маленький клубочек...
Разматывается без перерыва.
Бывает, утончится очень,

До состояния обрыва.
И если же обрывки взвесить,
На чашах, где Добро и Зло,
Какой обрывок перевесит,
Какой из чаш не повезло?

Жизнь – нити маленький клубочек...
Катится дальше перепутья.
А оборвать ту нить захочет,
Ну что ж, ...концы б не перепутал!

Пробуждение

Ворона всполошилась по весне:
Вокруг лежит глубокий белый снег.
Природа спит, деревья в зимней неге,
Красуются серёжками из снега.
Ворона принесла весть от весны.
Услышав эту весточку, снег сник.
И почернел снег, и лишился сил:
Он землю мёрзлую слезами оросил.
Ручей, горы жемчужный капитал,
Целебной влагой нивы напитал.
Приход весны приветствует народ,
Ворона чёрная весне свой гимн орёт.
Деревья, призадумавшись немножко,
Понацепляли капельки-серёжки.
...И Космоса живительная сила

Для созиданья землю пробудила.

ИЛГИЗ ИШБУЛАТОВ

Близким

Отец, расправить крылья час пробил.
Надолго ведь от вас не уходил.
Хоть щепкой у степных ветров я быть устану,
Но отщепенцем вдалеке я жить не стану.
Когда, порой, вас буду покидать,
Не провожайте, вытерпите, мать...
Коль на чужбине дольше задержусь,
В глазах вы не таите боль и грусть.
Отец, мать, коль ошибки стану совершать,
Мост возвращенья моего не стоит разрушать.
Ведь знаете, что с самого зачатия,
Попал я в ваши тёплые объятия.

Восход, закат: вот солнышка натура.
Ведь каждый день, что жизнь в миниатюре.
Горишь?! Сгори сегодня и дотла.
На завтра пусть останется зола.

Я – птица на взлёте

Крыльями легко взмахнув, как птица,
Высоко взлетел за облака.
Там, внизу, красавица река...

Ручейком Сакмара серебрится.
Орёл, раскинув мощных два крыла,
Точкой показался, так был мал...
...Невзначай, я вниз загрохотал
С обеденного нашего стола.

Ногу повредил, что-то с плечом,
Кровь из носа алая ручьём.
С этой непредвиденной беды
Много ль мало, утекло воды.

Утекло воды, Но вот душа...
Жаждет вновь полёты совершать.
Коль полёт где не удастся, так и знай:
«Летуном опять был я – Илгиз-малай».

Загадочный сон

На корабле таинственном во сне
Странствовать пустился по стране.
После долгого полёта в неба сини,
Услыхал: молитву где-то возносили.

Я в бинокль землю долго озираю,
И такую красоту я увидал:
Земля, вода, мир, словно заново родился...
От этой красоты взгляд заблудился.

Вгляделся лучше, всё это во сне:

Людей желания понятны стали мне.
Всё человечество, мне видно с высоты,
Несёт в себе житейские мечты.

«Это лишь сон...» - бормочем мы невнятно:
Не каждое явление понятно.
По правде говоря, сама жизнь – сон.
В ней философский смысл глубоко
погружен.

РУША КАДЫРБАКОВА

Журавли

Голубые журавли в небе синем
Улетают, тают призрачным клином.
Я смотрю на журавлей с лёгкой грустью.
Улететь бы, но земля не отпустит.

Голубые журавли, погодите!
Не в края ль мои родные летите?
Завернувшись шалью белых туманов,
Вы в какие уплываете страны?

Я кричу тем журавлям: «Подождите!
Говорят же: за иголкой и нити...
Вы пристанище в краях тех найдите
И меня с собой туда заберите».

Голубые журавли в небе синем
Пролетели ускользящим клином,
Отзвенев в душе печальной струною,
Улетели... А душа так и ноет.

МАФТУХА КИНЗЯ

Речь Кинзи

От Кинзи народная молва
Разнесла горячие слова:
«С ваших рук сниму железные оковы,
Разорву я путы с ваших ног,
Чтоб башкир владел землёю снова,
И воды своей напиться смог.
Чтоб на пастбищах мог скот плодиться,
Чтоб башкир летел в степи, как птица!
Ведь орлу без воли жить нельзя,
Вырвется он...», - так сказал Кинзя.
Присоединившись к Пугачёву.
Вольным казакам став верным братом,
Он сказал: «Башкиры! Волю снова
Мы вернём, как и отцы когда-то!
То, что для вороны – лес дремучий,
Как стрела, пронзит орёл собою.
Чем рабами быть, в неволе мучаясь,
Лучше умереть на поле боя!...»
Те слова нам забывать нельзя.
Их потомкам завещал Кинзя.

Следы мои остались на земле

На зелени парчовой мягких трав,
Как-будто, стёрлись следы мои с годами.
Кто скажет, что их не было, неправ.
Ведь вот они – стоят перед глазами!

Когда под вечер стадо встретить выйду,
Пройдусь по улице родимого села,
То мне, невольно, след мой детский виден,
Как-будто я в пыли его нашла.

И вечерами, слыша взрывы смеха,
Мне видится оставленный мной след.
Ему печаль о прошлом – не помеха:
Он виден чётче через много лет.

Когда увижу след от детских ножек,
Лицо светлеет, сердцу веселей.
Ещё не стёрлись, быть того не может,
Следы мои остались на земле.

Моя Куюргаза

В Куюргазе не проплывают гуси,
Не видно рыболовов-чаек,
И в тугаях, разбросанных не густо,
Не слышно трелей соловья ночами.

Когда на берегах мы подрастали,
Куюргаза, была ты полноводной.
Здесь парни лошадой купали,
Девчата брызгались и плавали свободно.

И плавали кувшинки в озерцах,
И кланялись головками ветрам.
Невестки молодые в тугаях
По ягоду ходили по утрам.

Невестки молодые постарели.
Их раскидало по местам иным.
Но те места старушек не пригрели,
Живут, тоскуя по краям родным.

Страшней тоски по дому – нет на свете!
Они вернутся, чтоб её унять.
Их старый вяз, раскинув ветви, встретит,
Как-будто собираясь всех обнять.

Пока жива душа у старенького вяза,
Пока колодец с журавлём его питает,
История села жива в рассказах,
Пока есть старики, не умирает.

О, если б мне Куюргазу вернуть,
Поплавала б и унеслась куда-то,
Смогла б, как в детство, в воды заглянуть
И вытерпеть твой холод, как когда-то.

Кубаир о Салавате

Гей, Салават, Салават,
Воин и борец, Салават!
Поражений ты не знал, Салават,
Отступлений ты не знал, Салават,
Смог Россию потрясти
На боевом своём пути.
Клич твой боевой, Салават,
Пролетел над всей землёй, Салават.
Заставлял врагов дрожать
Твой орлиный острый взгляд,
И разил врага в упор
Твой орлиный острый взор.
Гей, Салават, Салават,
Волей дорожил Салават!
Для башкир непокорённых
Главою их стал ты, Салават,
Для башкир, лишённых воли,
Волей их стал ты, Салават,
Ты страну потряс, Салават,
Ты батыром был, Салават,
Берега вернул и земли
Всенародной Агидели.
На чужбине спи спокойно,
Наша гордость – Салават!
Мы позором не покроем
Славу нашего героя.

Гей, Салават, Салават,
Сын Уральских гор, Салават!
Тебя славит весь Урал,
Тебя хвалит весь Урал.
Женщины тебя воспели
И мужчины в ратном деле.
И мужчины в ратном деле.

Жизнь

Быстрые воды текут, текут,
Быстрые воды шумят, текут.
И так же, как быстрые воды,
Жизнь наша течёт и уходит.
И юные годы вот так утекли,
Ушли, затерявшись в седой дали.
Ушли эти годы рано,
На сердце оставив раны.

Родному краю

В урёмах, что вокруг Киньи,
Поют ночами соловьи.
Я всей душой по вас скучаю,
Уехав, снова возвращаюсь.
Привет вам, степи, воды, горы,
Привет Страна Добросердечных!
За всех, кто мне безмерно дорог,

Спасибо вам, вы, как могли,
Оберегали сон их вечный.

Газиз-гора

На озере Карамалы, когда светло,
Чуть виден островок зелёный.
А сколько поколений здесь прошло,
Оставив след, Газиз-гора, на старых склонах.

Здесь, сообщая, все праздники встречали
И в армию со склонов провожали.
Здесь юные сердца друг дружкой в такт стучали,
Любить и вечно ждать друг дружке обещали.

В березняке зовёт кукушка песнью звонкой,
Кричит кулик, хваля свой дом в кустах приречных...
И оттого, что здесь бродила я девчонкой,
Газиз-гора, ты дорога мне бесконечно.

СУЛПАН МИНЛЕБАЕВА

Замок

Из нервов, а не из металла,
Замок с секретом отковала.
Замкнула сердце на замок,
Чтоб ты открыть его не смог.

Тебя терпела бесконечно,
Но в этом мире мы не вечны.
От боли, грусти и тревог
Храни меня, храни, Замок!

...Но прежде, чем замок замкнула,
Немало месяцев минуло.
Но всё прошло уже, поверь,
Мне посторонний ты теперь.
И мою душу не затронет
Незванный гость, гость посторонний.

Что глубоким мне казался...

Мелким омут оказался,
Что глубоким мне казался.
То, что солнышком светилось,
Вдруг луной оборотилось.
Принесла живой водицы:
Мол, излечивает раны!
А водица – не годится...
И меня прозвали странной.

На нитку думы нанизала...

На нитку думы нанизала,
Чтоб, не дай Бог! Не раскатились.
А чтоб они не загрязнились,
С молитвой часто очищала:

Чтоб мысли в слово воплотились,
Которое сердца не рушит,
И, чтоб попав в людские души,
Тяжёлым камнем не ложились.

ШАМСИНУР МУХАММЕТОВА

О судьбе и о себе

Истерзалась, счастья не найдя.
Призадумалась, в себя придя.
И судьбы крутому повороту
Удивилась, как дождю дитя.
Я тебя, судьба, благодарю.
И за мысли мрачные прости,
А за встречу на моём пути
Я тебя, судьба, боготворю.
Поняла сейчас, я поняла,
Что весна, минуя, не прошла.
А любовь... любовь пока в пути:
Долгий путь придётся ей пройти.

ТИМЕР НИАТШИН

Шейхзаде Бабичу

Прими! На этот холмик надмогильный
С почтением я положил цветы.
Зовут меня – Тимер, я старше, чем был ты,
И волос мой окрашен в цвет ковыльный.

Лишь тело твоё здесь, бессмертному стиху
Укрытие нашлось на книг страницах.
А соотечественник жаждет поклониться
Теперь: глотку вина да жирному куску.

Твоя могила прямо у порога
Пылящих Зилаирских трасс.
Башкир, остановись хотя бы раз
И голову склони в молчаньи строгом.

Коль душу распахнёшь, в обмен на это
Природы голос различишь, возможно.
Трава, что смята пылью придорожной,
Гораздо больше знает про поэта.

Ночами тихими весна его будила:
Его величье целей ожидало,
Но взял он в руки злой кусок металла...
И сабля звонкий голос разрубила.

А сколько лет могилы скромной холод
Скрывал тебя от козней в этом мире!
Теперь тебе – всегда двадцать четыре.
Большой поэт, ты всё ещё так молод!

Держал в руках и книгу ты, и саблю...
Страна, родишь ли снова ты такого,

Что с душ народа вновь собьёт оковы?
А дух и гордость спят пока, ослабли.

Слово аксакала

Мустаю Кариму

А долголетье – героизм, коль разобраться,
Для долгой жизни силы ведь нужны.
И если смерти не захочешь поддаваться,
Задор и грусть, и злость, порой, важны.

Кто из людей обязан долго жить,
Судить, рядить – моё ли это право?
Но в миг критический задор свой сохранить,
Башкиром гордо называться – впрямь!

Народ страны моей прекраснейшей – герой,
И вольным воздухом дышал он век от века.
Но жизнь отдать, встав за народ-горой:
Глубокий смысл предназначенья человека.

Народ-пчела, по ветру не летит,
Уподобляясь перекасти-полю.
И если кто башкира с ним сравнит,
То злости праведной, конечно, дам я волю.

Как только чуть подрос, я стал осознавать:
Лишь потом достаётся хлеб насущный.
Но одного всё не могу понять:
В чём мудрость смерти в жизни нашей сущей?

Осенний этюд

И день, и ночь дожди осенние
Всё капают и капают, и льют.
А мысли, пасмурные и бесцельные,
Не прекращаются, текут.

А жёлтый лист, шурша, слетает,
Как-будто бы на ветке тесно:
И пройденный мной путь считает,
С моими мыслями совместно.

Когда-то птицы гнёзда вили
И синь небес обозревалась...
И в первый раз всё это было:
С красивой мы поцеловались.

Нашёл ли ты – любимую, не знаю.
Всё было, как во сне и не со мною.
И прошлое – лишь боль моя зубная:
И зуба нет, а он всё ноет, ноет...

Моё имя «Человек»

Вы, наступив на хвост ногой,
Считаете, что ящерику поймали.
Но та отбросит хвост, не знали?
И убежит, пусть и нагой.

Коль, злодеянье совершив,
Я ящеркой бесхвостую сбегу,
То называться человеком не смогу,
Всевышний, имени меня лиши!

Раши Гарипову

Ты замолчал. Это февральский ветер
Разносит песню-плач по белу свету?
И февралём твой календарь прервался...
Живи, чтоб сиротой он не остался!

Поэт, а звёздам, что зажжёт ты в небесах,
В февральском небе тяжело светить.
На землю бросились, чтобы тебя найти...
Нашли бы – луч зажгли в твоих глазах.

С каким лицом теперь февраль пойдёшь,
Как злую весть народу донесёшь?
Поэту руку помощи не предоставил,
Заложником земли его оставил.

Берёзы белые

Берёзы белые протягивают ветви
С зелёною листвою к небесам.
А с нею тихо зашептался сам:
Вечерний, ласковый и тёплый ветер.

Берёзы белые – очарование души.
От восхищения в глазах моих першит.
Вы своим танцем волшебство творите,
Не насладится им один – ваш зритель.

Сердце тащит

А сердце всё болит до самого рассвета.
Причинам боли этой не внимаю.
А внял бы, ну какая польза в этом!..
Иглою пронзает. Это понимаю.

Не выдержав давления времён,
Давленье кровяное вдруг подскочит.
В мечтах вперёд всегда был устремлён.
Назад ошибки тянут, заморочив.

Дыханье сдавлено, дышать уже невмочь,
И пот холодною испариною сразу...
И это всё которую уж ночь
Тебе, мальчишка из села, голубоглазый.

В дорогах прошлого я многое нашёл,
И потерял я многих в настоящем...
Как мерин тот, колхозный, всё ещё
Груз памяти тяжёлый сердце тащит.

Ты напрасно

Вот день второй уже прошёл, мне нелегко:
Я отдыхаю, от тебя я далеко.
Уфа кипящая осталась позади,
Зима дремотная, пока что, впереди.

У озера с названьем Шамсетдин,
В лес окунувшись, и совсем один,
В объятиях холодных снега
Дом отдыха укрылся в зимней неге.

Там липы старые вновь отошли ко сну
И ждут зелёную, пахучую весну.
Когда подует ветер, оживают,
Скрипят, кому-то тайны открывают.

Готовы лопнуть, так наполнены
Окрестности настоем тишины.
И я вдруг замер – что это со мной?
Так неужели ты – напрасно, боже мой?!

Только для меня

Цвета, порой, изменчивы бывают:
Цвет белый, вдруг, на чёрный заменяют.
И, коль захочет глаз на нём остановиться,
То зреньё может, увязая, заблудиться.

Запутав, временами, нить годов,
Путям своим силок поставить я готов.
В него попавшись, вырываюсь, разрезая,
Всё ж хорошо, что я ещё не заяц.

С годами больше разница видна,
Задумаешься, удивишься вскоре:
Чем больше серебрится седина,
В душе всё больше красочных узоров.

Наверно, в красоту земли не вникли –
Измазали в цвет чёрный горемыки.
Судьба ведь – испытанье выдержать,
Не выдержишь – нет смысла возражать.

Цвета без изменений не бывают,
Цвет белый часто чёрный вытесняет.
Или, земля, ты серебром маня,
Пребелая лишь только для меня?

Мелеуз

Река моя голубоглаза,
С борщевником по берегам.
Здесь в детстве я сквозь тальник лазил,
Ты даже этим – дорога.

Извилисты пути земные,
Длинней они, чем ровный путь.

По детству стосковавшись, ныне
Пришёл на Мелеуз взглянуть.

Ты на два город разделила,
Течёшь вдоль берегов – кварталов.
Приветы из глубинки милой
Ты приносить мне не устала.

От детства никуда не деться.
Оно, как в зеркале, в волнах.
Но грустно, что вернуться в детство
Мы можем только в сладких снах.

Пасечник

Полянка на горе и очажок неброский.
О чём-то шепчутся красавицы – берёзки.
Когда берёзки сплетничают дружно,
То, пасечник, тебе, наверно, трудно.

В березняке, ко дню добавив ночь,
Старик, ты одинок, тебе – невмочь.
В глаза твои лишь звёздочки глядят,
Но молчалив их отстраненный взгляд.

Как дервиш ты, что истину нашёл:
Тебе всегда спокойно, хорошо.
Объятья ночи, коль не согревают,
Из очага тепло ты добываешь.

Твой задушевный друг – трудяги-пчёлы.
Ты – свой в той дружной радостной семье.
Ласкает вечер ветерок весёлый,
Цветков короны преклонив к земле.

Земля вращается бесшумно, не спеша.
А по цветкам пчела перелетает.
Полянку чуя, в ульях шум витает:
Родной земли и счастье, и душа.

Вот ещё один год...

Ну вот, ещё мой год уже проходит
И до заката недалёки мои годы.
Твоя рука тепло мне протянула,
Как-будто пламень сердца вновь вернула.

А осень не настроена случайно:
Всё то, что не сказала мама – тайна.
Вот птицы, словно бы, навек прощаясь,
Крылами бьют... Льёт дождь, не прекращаясь.

В село родное редко возвращаюсь,
Хотя по ласке материнской вновь скучаю.
...А годы мои, словно листья, падают:
Слезой на твою могилу капают.

Поэт

Равилю Бикбаеву

Поэт-богач. В душе его
Есть многое из ничего.
И может он, скорей всего,
Домыслить всё из ничего,
Ведь слово-талисман его.
Богатство просто так, извне,
Легко поэту не даётся...
Ведь в том, зажженном им огне,
Он сам сгорит иль обожгётся.
И добавлять в душе огонь –
Есть назначение поэта.
Дабы спасти, не лезь в огонь,
Души горячей той не тронь:
Погаснуть может пламя это.

Эй, соотечественник

Всё сущее – заложник, по-природе.
И только лица, сроки изменяются,
И новые понятия зарождаются,
А старые, утратив суть, уходят.
И человек всё это проверяет,
Просеивая ситом мыслей гнёт,
И на судьбу свою тамгу кладёт...
Но человек живёт и суть меняет.

Вся суть, природа-Времени подсудные:
Находят новый лик свой, образ, век...
Эй, соотечественник, подними, подспудное,
Повыше своё имя – Человек!

Братишке

*«...Брат мой старший – усы белые как снег,
Один другого не лишимся мы вовек...»*
(Из народной песни)

С каждым годом – нашего родства
Суть благородная сильней обнажена:
Семья, ребёнок, родичи, жена...
И в этом жизнь, наверное, права.

Коли силён, друзей найдёшь ты скоро:
Цена той дружбе – сила и богатство...
А поскользнёшься,
в кровь разбившись – в братстве,
У родича найдёшь всегда опору.

Жизнь гнёт мужчин, на крепость проверяя,
И ты сегодня - белые усы, что ж, годы...
Во время злое, полное невзгоды,
Давай жить, брат, один другого сохраняя!

Красавице

Ресницы длинные размазав,
- От туши на лице потёки -
Красавица, сквозь слёз потоки,
Ругает мужа раз за разом:

« Не для того же мать меня красавицей родила,
Чтоб на тебя я столько лет растратила, сгубила.
Ведь, как цветочек майский, мою душу
Ты – каменный, измял, сломал, разрушил.

Ну, разве станешь ты, наперекор ветрам, горою,
Вон, позвоночник словно коромысло... »
И бедный муж стоит, от слов притихший, кислый;
Жена взрывает горы, землю роет.

Красавица, люби ты как положено,
То не стоял бы муж так скованно, скукоженно.
Богатырём былинным бы ступал,
Любя, в себе бы силы открывал,
И защищал бы не тебя одну,
А шар земной... Пойми ж свою вину!

Наша держава

Вся держава у деда пред дверью теснится.
По стране своей гордо он ходит.
Небольшая она – в пять шагов всю проходит,
Палисада забор – вся граница.

А царём, видно, надо родиться.
Вот границу страны собираясь чинить,
Гвоздь кривой поднял дед – пригодится.

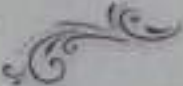
Рядом с видом лихим, угрожающим,
Ждёт приказа (чужой же – не тронь!)
Вмиг готовый взлететь дедов конь,
С ним беседует он как с товарищем.

Франт – петух, распутив свои пёрышки,
Кур зовёт, шпорой землю вскрывая,
Куры, хором ему подпевая,
Хлопотливо клюют все по зёрнышку.

На траве, под ласкающим светом крутясь,
Телёнок взмыкнул тихо, веско.
Дно тазика аж до зеркального блеска
Облизал, но с достоинством, не торопясь.

Свои глазки прищурив, глядит на меня,
Песню кошка, ласкаясь, мурлычет.
Счёт у каждого свой, своё время, отличие...
Жить давайте вот так – не теряя ни дня!

Солнце, слыша разумные эти слова,
Подтвердив, головой закивало.
Горизонт в цвет окрасился алый,
Горы скрылись... Коль жив дед – держава жива!

Борщевник

Голубоглазый босоногий мальчуган
(Как не боится он весенней ночью?)
Сквозь лет, дорог извилистых, туман
Передо мной является воочью.

И не спеша, из глубины кармана
Борщевника достанет первоцвет.
И радуясь, схвачу я ветку рьяно,
Как-будто голодал немало лет.

И слёзы выступят от запахов знакомых,
И стены душевной комнаты растают,
Душа рванётся на простор из дома,
И песнь родится, тут же разрастаясь.

Когда видений чудный миг растает,
Один вопрос искрою вспыхнет сразу:
Борщевник мой ещё произрастает
На берегах реки голубоглазой?

Наган

В музее не находишь дела,
Лежишь, для выстрелов готов.
Патроны рядом, то и дело,
Блестят сквозь ржавчину годов.

Во время мировых пожарищ
Ты жил, огнём людей губя.
И большевик, твой друг-товарищ,
Надеялся лишь на тебя.

Людей, несдержанных в речах,
Ты успокаивал навечно;
А несогласных – сразу в прах,
Ты согласовывал беспечно.

И ныне мысль одну взлелеял:
Из стен музея убежать.
А цель: направо и налево
Стрелять, стрелять...

Жизнь прошла

Юнец безусый всхлипнул у порога
Родного дома, прихоть так желала,
Чтоб он пустился в дальний путь-дорогу,
И счастье отыскать пообещала.

Ходил он долго, мук достиг предела,
Желания его поизносились.
Усы пробились, понял он: для дела,
Чтоб счастье отыскать, потребна сила.

Домой вернулся, сил он поднабрался
И вновь ушёл – куда желанье звало.

Оброс он бородою, настрадался
И понял, что мозгов-то мало!

Опершись на обиды горький посох,
Пошёл он, и домой дорога привела.
Но дом разрушен, мочат слёзы-росы
Лишь камень намогильный...
Жизнь прошла.

Сестра милосердия

Сестричка, твои руки так целительны,
А взгляд твой так приветлив и пленителен!
Кому-то ведь на счастье вечное
Написана судьба твоя сердечная.

А на твоём рабочем месте
Лишь горести, там счастье неуместно.
От каждого, кто так нуждается в тебе,
Замкнёшь ли все их беды на себе?

...На улице солнышка светлая нежность,
А здесь лишь глаза, а в глазах безнадежность.
И в эти глаза, что тоскуют, скорбят,
Надежду и веру вселяешь в себя.

Судьба твоя к счастью большому на взлёте,
Но не сломи свои крылья в полёте.
И для любви, вселенской любви,
Всевышний, прошу же, её позови!

Антенной, что ловит Вселенский ветер,
Природа чутка и дышит рассветом.
А голубые волны Вечности –
Таинственные взлёты неизвестности.
Они вращаются вокруг меня,
Мои же мысли, и...манят.
Жеребчиком летят весёлым
И больно жалят словно пчёлы.

Замёрзнут провожающие

А чёрную сырую землю
Дождь жёлтых листьев покрывает.
Гроб тишине печальной внемлет...
Холодный ветер грустно напевает.

Гроб отогретым будет вскоре
В объятьях тёплой матушки-земли...
От холода, тоски и вечной скорби
Замёрзнут те, кто провожать пришли.

Душа пропала

У перепутья с маленьким сыном
Стоим устало как-то вечерком.
Секунда за секундой исчезают,
И время, вместе с потом, истекает.

Пыль с грохотом и гулом разметая,
Машины беспрерывно пролетают.
Сынок, задрав ручонку, застывает,
Его надежды, вместе с пылью, тают.
Сын, на удачу не надейся зря,
Она недолговечна, как заря.
Ты зря ручонкой маленькой колыхешь,
Твоя надежда вряд ли нас услышит.
Чтоб руку твою видеть, сын,
Душа нужна поверх кабин...
А нынче скорость всех подмяла:
Машины есть, душа пропала.

Кумертау

*«Не угольная гора, а безугольная яма
осталась сейчас...»*

Из слов одного старика.
За пазухой тепло земли
Хранила та гора до срока.
Тем, кто видать её могли,
Была внушительной, высокой.

Там родничок проворный бил
И окаймлял горы подошву.
И той воды живой, роскошной
Кто только, говорят, не пил!

Стальные зубы плоть земли
И рощицу берёз взорвали.
И там, где птицы петь могли,
Всё развалили, разорвали.

Гора от боли застонала,
Как раненый боец, упала.
Святой родник засох, ушёл,
Как-будто кровью изошёл.

Когда тот уголь в пламени забьётся
И даст тепло, как мы забыть могли?:
Гора исчезнет – яма остаётся
В объятьях горьких матери-земли.

У ямы этой город вырастает.
Богат он углём, вот и процветает.
Вихрь налетит – всё небо закрывает
Большое облако из пыли... И не тает.

Эй, дождь

Эй, дождик, зачем же без времени
Ты длинную песнь заводишь,
Когда жаждет земля, беременна,
Зачем же без песен проходишь?

Я сам – от сохи, сын крестьянина,
Ощущаю земли дыхание...

Земля моя, словно пьяная.
Лежит созревшая, пряная.

Вот и я пьян сегодня – есть повод:
За здоровье одной, красивой.
Тридцатилетие, это ль не довод?
Правда, снежный и очень дождливый.

Эй, дождик, ведь ты, как и я, с приветом,
Фантазёр без вожжей, но с честью.
Ходишь, в мыслях блуждая где-то,
Появляясь в незваном месте.

Если надежды...

Если жизнь надежды вдруг разрушит,
Если кони замыслов устанут,
Если боль и страх проникнут в душу,
Я судьбе булатный нож точить не стану,
И, как нищий, рук тянуть не буду,
А вернусь в свой край, к родным мне людям.

Словно к матери, прижмусь к земле я.
Сердце сразу застучит ровнее.
Вся Вселенная двумя мирами станет:
Край родной и путник – я, усталый.

К поколений обращаюсь глубинам
И огню духовному народа,

Голову к небесной сини вскину...
И печаль, и боль меня покинут.
Солнце и краёв родных природа
Все недуги, что в душе, разгонят:
Снова замыслов рванутся кони!

Увидишь ещё

Улыбаясь, как заговорщик, таинственно,
В небе месяц, светясь, проплывёт ещё.
Соловьиная грусть... та, единственная,
В наши души проникнет ещё.

Звёзды из очага ночи лунной
Талисманом нахлынут ещё,
Наших душ очень тонкие струны
Зазвучат, нас заденут ещё.

И закрыв свои яркие очи,
Ты замрёшь потрясённый ещё.
И дыханье неровное ночи
Вскольхнёт тебя часто ещё.

И любви удивительный полог
Мы сплетём из цветочков ещё.
Тот момент, что пленительно долог,
Ощутят наши души ещё.

Земля родная

Земля родная, я – твоё дитя.
Благодаря тебе, увидел свет я белый.
И первый свой глоточек сделал неумело,
И «мама» произнёс, дар речи обретя.

Земля родная, я – твой паренёк,
И от камней твоих учился дерзновенью,
И получил в подарок – вдохновенье,
И хлеба чёрного заслуженный кусок.

Земли родной – опора я и сила.
И горести её – моя кручина.
Их на себя взвалю, на то я и мужчина.
Спасибо: этому меня ты научила.

Земля родная, стал я умудрённым.
Судьбу твою хотелось бы прославить.
И если сможешь выбор предоставить:
Пусть прах мой ляжет только в твоё лоно.

Беда башкир

Кто только ни заставил петь:
На песни, мол, богат башкир,
Беда случится – так ответь
Ты песней о судьбинушке.

С «Любезники – Любизары»
Парижы брал в атак угаре.
Кумыса чашу победитель пил,
Кахим-туре кто в чашу яд подлил?

И Петроград ты защищал, кровь проливая,
И «Порт-Артур» наигрывал ты на курае.
Власть предержавшие, вместо «спасибо»,
Не сохранили Бабича, а ведь, могли бы.

На свадьбе «Иряндык» поешь,
И в жёны женщин разных наций ты берёшь.
Родного языка дети не знают,
Без языка, выходит, оставляют.

Старушка водку пьёт, не на намаз спешит,
И пьяно «Козасу» поёт, народ смешит.
Незнание истории в нас говорит,
Век двадцать первый не простит ведь, разорит.

Эго

Боялся темноты, воды, огня.
Умом боялся и боялся телом.
Грядущее я ожидаю смело:
Страх не смешался с ощущением меня.

Глотал я кутерьму весёлых дней,
Порой завидовал земным благам,

Но успокоился. И нынче я в ладах
Пусть с малой радостью, зато - моей.

Я над бессилием людским смеялся,
И на простых глядел я свысока,
Внимал я сердцем, не умом – слегка,
В страстях людских не разбирался.

Словами я жонглировал, играл,
Вот так играет цветом радуга.
Но в жизни мне та часть лишь дорога,
Где оставалось место для добра.

При пилке дров

Сотцовой изувеченной рукой,
С моей рукой: горячей, беспокойной,
Пила, то путь найдёт достойный,
То завихляет, как старик с клюкой.

Хоть и не сразу, я приноровился.
Вот заблестел у чурбака распил;
Отец задумчиво заговорил,
Когда очередной чурбак скатился:

«Дерева тоже, словно дети, сын,
Для жизни рождены на белом свете,
К теплу стремятся, если солнце светит,
Листочки моют под дождём косым.

Дубок в траве не виден, если жёлудь
В чужую землю ляжет, сея ветер.
И голову не приподнимет к свету,
Не зашумит листвою своей тяжёлой.

А этот дуб корнями врос сюда,
И рос на берегах Идели вольной.
Чтоб поросль юная росла достойной,
Забота ей нужна ещё с плода».

Различать умеи

У каждого сезона цвет свой и влияние:
Берёзка осенью уныла, обнажена,
Весной наденет платье по сезону,
Невестой затанцует на поляне.

А летом, когда ветер знойный веет,
Река мелеет и источник высыхает,
А люди истинные лица открывают,
Падают в горе и лицом чернеют.

Земли хозяин, человек, совету верь,
И знать его ты должен с колыбели:
Коль друга от врага мы различить сумели,
Беда не вломится в распахнутую дверь.

Коргазак

Ты, как батыр, из тесных стен бежал,
Ты стены эти с грохотом разжал.
Соединившись с Юрюзанью, безустанно
Стекаешь по земле Башкортостана.
Ты в нас дух Салавата разбуди,
Смой, Коргазак, и пыль, и сор с нашей груди.
Чтоб юные своё предназначенье знали,
Самопознание, чтоб башкиры не теряли!

Вернётся

В цепочке лет, которой вечно длиться,
Есть моей доли малое звено.
И всем, что есть, готов я поделиться;
Теплом земли родной, что мне дано.
Землёй рождённое в неё же и уйдёт,
С небес сошедшее, туда же вознесётся.
На благо людям мной пролитый пот
Дождём живительным вернётся.

Соловушка

Я как-то раз с пути внезапно сбился.
Июньский вечер был необычайно тих.
Но раздалась вдруг трель...
Я поразился,
Услышав песни грусть, остановился.

Как мать недозовётся чад своих,
Как к космосу взывает чей-то стих,
Певец - соловушка в мир грусти погрузился.
От чёрствости, от злобы, что нередки,
Недавно здесь пожары бушевали.
Сгорели его маленькие детки.
И зарыдал соловушка на ветке...
А люди плач за песню принимали...

Четверостишья

В сладкоречивых ты опору не ищи,
Язык – оружие, что обоюдоостро.
На языке-то мёд, а в уголках души
Змея свернулась чёрною коростой.

Беда мужчину плакать не заставит,
Она солёным потом отзовется.
Лишь ночи все бессонницей отравит,
Да болью накопившейся взорвется.

Я словно электрон, сорвавшийся с орбиты,
И, как по проводам стремится ток,
Я мчусь вперёд.
Мелькают лица, виды,
Но гонит вдаль меня необъяснимый рок.

По течению жизни горестно плыву я,
Память истерзали юные мечты.
Легкостанным стеблем, душу мне волнуя,
На лугу зелёном не станцуешь ты.

Мои односельчане-земляки,
Привет вам, молодёжь и старики!
Здоровы ли, и дети как? Растут?
И как в селе дела сейчас идут?

Деревни притягательная сила
Меня, мальчика, вскормила и вспоила.
Судьбой своею многим ей обязан,
Ведь, пуповиной крепко с нею связан.

Хоть волосы с годами всё седей,
Но, всё-таки, тянусь к груди твоей.
И от тебя лишь веру я беру,
И от тебя лишь нравственность беру.

В земле чужбины невозможно жить,
Ведь, в камень трудно корни запустить.
И как росток пробьёт с годами и гранит,
Так сердце тянется на родину, саднит.

А наше время-время ледяное:
И в жаркий полдень души мёрзнут, ноют.
А сколько личностей изверилось, страдая,
Куда идти теперь-не ведая, не зная.

Кто отогреет души, что остыли.
Чтоб, как цветок, глаза они открыли!
Сельчане! Чтобы выйти из забвенья,
Нужны НАДЕЖДА, ВЕРА и ТЕРПЕНЬЕ.

И корни сильные вращут в родную почву,
И к солнышку ростки протянут почки.

Не напрасно

Напрасно сочиняешь ты стихи.
Ума остаток тратишь понапрасну.
Ведь многие, частенько, безучастны
К мольбам твоим бывают, и глухи.

Напрасно сочиняешь ты стихи.
Энергия твоя ведь не бездонна.
Ты часто остаёшься обделённым
Красотами вселенскими стихий.

Напрасно сочиняешь ты стихи.
За полотенце брался – жизнь просила.
Но силушку, бывает, ломит сила,
И ты был часто бит борцом лихим.

Нет, не напрасно – для людей, учти!
Энергиею, силой, каждой строчкой,
Я сердце разрываю на кусочки...
Они разбросаны на всём моём пути.

Времени

Ты помнишь, время, помню я и сам,
Как ты ломало и нещадно било,
По узким, тоньше волоса, мостам
С повязкой на глазах водило.

Хотело испытать меня – изволь!
Сжимал я зубы в молчаливом стоне.
И лишь сегодня, как-то, исподволь,
Твоё я безрассудство понял.

Хотело квартирантом меня сделать.
Но не всегда сходились мы в цене:
Впускало, выгоняло то и дело...
Но ты само рождаешься во мне.

Мельница времени

Кто только ни встречался мне в делах,
Кто только ни учил уму и чести...
Зерно отборнейшее, с шелухою вместе,
Мельница времени мела себе, мела.

О, эта мельница! Забыв про день и ночь,
Пока ты жив, муку свою мела.
В мешках, что для помола берегла,
Судьбы груз тяжелел: поднять невмочь.

Зарубку вырезав на косяке дверном,
Скорее вырасти мы, дети, торопились.
В застолье жизни это обратилось
Тем хлебом детства, вкусно пахнущим зерном.

Судьбою связаны, лет 35 подряд,
На эту мельницу вдвоём мы приходили.
А зёрна жизни вместе посадили
И знали: урожай будет богат.

Сноровки рук твоих проворных не убавить.
А мысли добрые и светлые всегда.
Мешок с пшеницей сорной иногда
Я, каюсь, на тебя старался сплавить.

А к жизни мельнице, теперь уже всегда,
Приходят дети: жизнь моя с тобою.
Судьба вдвоём – судьба счастливей, вдвое:
Кипуче-песенно текут наши года.

Судьба и волосы обсыпаны мукой.
Печали-горести я просто забываю.
Мельницы времени я двери открываю,
Пока живой – с надеждой, не с тоской.

P.S.

У каждой судьбы есть свой спуск и подъём.
У каждой судьбы есть свой срок: он отмерен.
А мельница времени мелет без меры...
«Спасибо!» - ей скажем и тихо уйдём.

Наши души

Улыбаясь, как заговорщик, таинственно,
В небе месяц, светясь, проплывёт ещё.
Соловьинная грусть... та, единственная,
В наши души проникнет ещё.

Звёзды из очага ночи лунной
Талисманом нахлынут ещё,
Наших душ очень тонкие струны
Зазвучат, нас заденут ещё.

И, закрыв свои яркие очи,
Ты замрёшь потрясённый ещё.
И дыханье неровное ночи
Всколыхнёт тебя часто ещё.

И любви удивительный полог
Заплетём из цветов ещё.
Тот момент, что пленительно долог,
Ощутят наши души ещё.

Капли

Ох, шустры и ловки эти капли:
Веселятся, бегут и сверкают...
Одеяло земли они, как-то
Очень быстро открыть успевают.

Но серьёзность присуща им, знаю:
Пот прольёшь ты, пока их найдёшь...
Можно зря путь пройти, улыбаясь,
Коль без капель ума в путь пойдёшь.

Капли жизни судьба разделила:
Этим – сладость, а тем – горечь лишь...
Всё не выпив, не определишь
Слабость их или силу.

Межсезонье

На сцену словно занавес упал:
Хлопьями губ к земле снежок припал.
На голые поля, пиршество делая,
Скатерть накидал он жёлто-белую.

А лето ничего в пиру не значит:
Прислуживает осени-хозяйшке, батрачит.
Давно заношенные, старые одежды
Достались лету... и ещё надежды.

А осень стала очень важной что-то,
Ведь у неё деньжат, имущества – без счёта
И зиму позвала, обычай соблюла:
Подарки дорогие раздала.

Зима в ответ ей одеяло подарила,
Весь мир тем одеялом стёганным укрыла.
И даже осень, успокоясь, приутихла...
Лишь хлопья снега танцевали лихо.

Вдруг представил

Дождь свой грустный напев затянул
И на стёклах узоры рисует.
Я, став капелькой, руку дождю протянул...
Моё сердце болит и тоскует.

Ветерок по деревьям легко прошуршал,
Листьев золото пораскидал.
И, сквозь осени жёлтой одежды,
Я весну вдруг представил с надеждой.

Знают вкус

Окна свет вечерний пронизал,
Улицу вдруг колдовство залило.
А в моих зашоренных глазах
Огонёк любви ты запалила.

Вдруг душа, очнувшись от нытья,
Заметила: трава стала зелёною...
В этом мире только лишь влюблённые
Знают вкус земного бытия.

О, Всевышний!..

О, Всевышний, дай терпенья
Путнику заблудшему.
Но, сгущая ночи тени,
Ветер мрак закручивал.

В небе звёзды не мерцают
(Вглядываюсь с болью)
В очаге небесном тают,
Гаснут как уголья.

Хоть волшебный огонёк
Вспыхнул бы сейчас в степи!
Огонькам же- невдомёк:
Город ими весь кипит.

Городское колдовство
Не для нас - привыкли...
Там не греет волшебство,
Простору - отвыкли.

Было время, я взлетал
К огонькам волшебным.
Ныче мир надеж и мал,
И не слишком щедрый.

О, Всевышний, я бреду,
Путник запоздалый...
Положи в ладонь звезду,
Хоть одну, хоть малую.

Один твой лучик

Из рамок выйдя, ты себя не распаляй,
Зимы богатства зря не распыляй.
Вспухают лужи, талый снег глотая.
Ручьи шумят, дорогу пробивая.

С вершины горной вниз туман исходит –
Туманов тёплых, видно, очередь подходит.
И чёрным потом враз омоется гора,
А в сумерках замёрзнет до утра.

Один твой лучик душу осветил,
(Так быстро вспыхнуть не готов я был).
Капель блеснёт и ослепит глаза,
Взорвутся почки, а из глаз – слеза.

Огонь глотает

Окрестности погожи и тихи,
Но сердце одурело: пьёт стихи.
Дождь прекратился, радугой блеснул,
Я в одиночестве – я пламени глотнул.

В жемчужной россыпи и тальники, и поле,
Душа изжаждалась: огонь глотает вволю.

Пленником останусь

Какое грациозное движенье:
Волнами поднимается туман...
Ласковое, нежное томленье,
Призрачного озера обман.
А улицы туману очень рады:
По ним изящно девушки плывут.
На окна бросят взгляды, позовут...
И шторы накаляются от взглядов.
А шторы зелены, как зелень лета.
И, как кувшинка, что бутон свой раскрывает,
Я пленником останусь у рассвета:
Он тайны красоты мне открывает.

Качает в зыбке мои думы

Качает в зыбке мои думы
Рассветным ветерком весна.
Страну мою я не придумал,
То – Одиночества страна.
Здесь одиночество распустит
Цветы... Те сразу отцветут.
В стране той, Материнской грусти,
Святые матери живут.

Слова любви здесь поржавели,
Любовь нема и без огня.
Зачем весенний ветер веет,
Коль без тебя и без меня.

В этом доме

Когда-то в этом доме ты жила.
А в юности зайти туда – мечта была.
В аул вернулся. Двадцать лет минуло.
Тебя и дома не видал, хоть и тянуло.

И в беспокойных снах, ночами,
Тобой мир заполнялся не случайно:
Ты для меня в тяжелый миг – опора,
А в миг удачи – светлый лучик спорый.

Дом твой стоит ещё на месте прежнем,
В нём старая приветливость и нежность.
Тебя там нет, а дом не изменился:
Из окон – глаз всё также луч пробился.

Нет канонов

Для любви нет сроков и канонов,
Для неё не писано законов.
Чувства разрешения не спрашивают,
Поднимают или в омут сбрасывают.

Вчера царём ты грозным был,
Сегодня – в рабство угодил.
Вчера был радужно настроен,
Сегодня – грустен и расстроен.

А звёзды, угасающие в танце –
Любви высокие посланцы.
Ночка гладь речную берedit...
Любимая, я жду, скорей приди.

С бережка на реку поглядим,
И, в обнимку, молча посидим.
Нашу жизнь любовью мы заполним,
Вечера те навсегда запомним.

В язычники перехожу...
Тебя богиней представляя,
И твоё имя повторяя,
Желаньем этим дорожу.
В заветных тайниках души
Одна лишь ты живёшь всю жизнь.
Всю жизнь любимую искал...
Не повезло, не повстречал.
Седовласый я мечтатель,
Тотемов призрачных искатель...
В той, мной созданной стране
И грустно, и вольготно мне.

Материнство

(Поэма)

Степь горит

Заполыхала степь. Огня волна
Кольцом траву сухую охватила.
В пути ужасном крушит всё она,
И всё покрыла пеплом, проглотила.

От жара степь гудит, жива едва.
Глаз застя, дым встал чёрною стеною.
Всевышний, прегради смертельный вал,
Ведь гибнет от пожара всё живое!

За двадцать дней до рокового дня
Взмах крыльев перепёлочку поднял.
Обрадовавшись красоте округи,
Она над степью пролетела с другом.

Считая звёзды, высидев птенцов,
Она впервые материнство испытала.
Простор степи зелёной – добрый кров,
Весёлой, звонкой песней воспевала.

Вселенский тот пожар, ворвавшись вширь степей,
Стал очагом для смерти оголтелой.
А перепёлка, мать семи детей,
Накрыла крыльями,
прижавшись к ним всем телом.

Мать-перепёлка первой умирала,
А вместо крыльев – угольков осколки...
Высоким памятником материнству стала
Судьба коротенькая юной перепёлки.

Роддом

Рассвет весенний разорвал крик громкий:
Сегодня в мир пришёл ребёнок голосистый.
Сегодня время обрело дыханье чистое,
А полночь подошла к рассветной кромке.

Без пуповины, но зато в родных объятьях,
Ребёнок примостился, успокоен.
Приветствуя событие такое,
Слетались ангелы вокруг того дитяти.

Есть ангелы вокруг, но нет отца:
Следов нет от папаши – подлеца.
Ребёнок в этом мире без тепла...
Его тропинка одиночества ждала.

Совсем не рада, равнодушна к сыну мать.
Да, каждый в чувствах ныне обесценен!
Порхает молодая мать по сцене
Театра жизни, где сложнее жить, чем играть.

Степь опалённая нам доказала, как могла:
Вот перепёлка-мать, ради птенцов, на смерть пошла.

А та, что первенца, гуляя, родила,
Поникла, будто постарела, умерла.

Лик смерти – ледяной, с застывшим взором...
Как смерть, та псевдомама холодна.
А было ль детство у неё, была весна,
Была ли юность и мечты о счастье скором?

Отца нет у несчастного ребёнка,
И мать остыла к сыну потихоньку.
Посмейся над людьми мать-перепёлка,
От человечества беги, как можно долго!

Городская улица

Ночь звёздная, но город всё не спит.
Мелодию заводит жизнь ночная.
И мысли горестные в голове рождает,
Ночных головоломок узел туго свит.

Часть улицы. Зелёный – красный цвет...
Меняются, горят: один – другой...
И если красный – подожди, постой.
А коль зелёный – то иди, преграды нет!

Как бабочка ночная, что летит на свет,
«Куколки» летят – «любви» рабыни.
Не улицы отрезок – часть судьбины.
Пройти нельзя на красный – хода нет.

Идущих на зелёный – горстка, малость.
Нет изумруда трав в тревожном красном.
У девочек нарядных для Любви прекрасной
Ни сил духовных, ни желанья не осталось.

Ужели не заметило ты, Небо!
Несчастливых судеб, что в огне сгорают?
Но почему они не ощущают
Волшебный запах детства, трав и хлеба?

Асфальт пробить и корни там пустить
Труднее в мегаполисе рекламном.
Не потому ль потенциальным мамам
В отрезке красном остаётся жить?!

Мольба

Грешить мол, человеку свойственно.
Но меру знай, год Новый, что настал!
Ведь, человек свершать грехи устал,
Хотя природа наша двойственна.

Нам колыбельную поёт родная мать,
Отходную, - умрём, мулла читает...
Жизнь – промежутком между ними называют,
Зачем её стенанья наполняют?

Глаз в землю нынче люди устремляют,
Небесный купол не окинут взором.

И материнства, к вящему позору,
Зачем наш век коварный девушек лишает?

Кто защищает ныне загнанных людей,
В руках, чьих благородство пребывает?
Ну почему, сейчас уста детей
Лишь слово злое повсеместно открывает?

Изменят, пусть, свои названья годы,
Но суть, пусть, благородной остаётся.
И, коль дитя в объятьях матери проснётся,
Не уничтожить человеческой природы!

Я верю

Передо мной – бумаги чистый лист:
Моей словесной битвы поле.
На эту площадь горячо, с сердечной болью,
Откуда нужные слова взялись?

«Любви в остывшем сердце нет», -
Упрёка горечь бросив мне в ответ,
Зачем сомнению обрекла любовь?
Её, родную, оправдаю вновь.

В борьбе за жизнь любовь я защищаю,
А судьи кто, и кто их назначает?

Батыром славным кто наверх пойдёт,
А от позора пораженья кто умрёт?

Любовь – это понятие Вселенское.
Оно как Солнце, как объятие материнское.
Но этот ценный дар, что Небеса вручают,
Увы, по разному все люди ощущают.

Любовь, что отдал я тебе, вновь возвращается
В детишках наших, словно в речке, отражается.
А если внучки лишь разок заулыбаются,
То зайчик солнечный вокруг закувыркается.

Я верю в то, что истинная мать
Не сможет без любви существовать.
Гром грянет, над пустыней дождь пройдёт,
Свою любовь, кто любит, да найдёт.

Я – победитель! Убеждён в этом, конечно.
Любовь моя, как никогда – сильна и вечна.
Она к нам каждую Весной на крыльях мчится,
Младенцем – капелькой росы в лучах искрится.

САЛАВАТ САДЫКОВ

Отец сказал, когда ещё был жив:

«Мужчина тот, кто никогда не плачет,

Не поддаётся злым ветрам, а значит,

Как каменный утёс, он терпелив.

А слабых бури могут и сломать,

Мужчин же настоящих закаляют...»

«Сынок, будь в жизни мягче, умоляю... -

При каждой встрече говорила мать, -

Будь счастлив, да хранит тебя Аллах!

К чужому горю будь всегда участлив.

А там, где доброта, там рядом счастье,

В каких бы ни скитался ты краях».

Без слов тех мудрых не прожить и дня:

Пытаюсь следовать родительским советам.

Но если в чём-то ошибусь, за это,

Отец и мать, простите вы меня!

Жестокою судьбой мне испытания

Припасены и приготовлены заранее.

Она наотмашь била, с ног валила,

Видать, меня нисколько не ценила.

Однако, на земле лежать не стал:

Я разозлился, на ноги я встал,

Пошёл вперёд я, гордо разогнувшись,

Назад ни разу и не обернувшись.

А испытаний впереди, без счёту, много,

А впереди - тяжёлая дорога...

И пусть в дороге этой я сломаюсь,

Но не согнусь, в чём и не сомневаюсь.

Объяснить, наверно, не смогу,

Чувств своих не выразить словами.

Жжёт меня (поверь ты, я не лгу!),

День и ночь любви сжигает пламя.

Будь я солнцем, то лучи свои

Только на тебя одну бы сеял,

Будь я ветром, волосы твои

Нежно бы расчёсывал, лелеял.

Будь я соловьём, то тишину

Трелью расплескал бы и заполнил,

И из песен только лишь одну -

О тебе и для тебя - исполнил.

Грусть

А природа нынче насторожена:

Завихряясь, валит, валит снег.

А душа моя тоскою растрожена,

Но от той тоски лекарства нет.

Белые снега, ну не метите!
Сердце стонет и частит, спеша...
Люди, люди, вы одно поймите:
У меня болит не сердце, а душа!

Все думы только о тебе

Когда запахнет вдруг весной,
Когда наступит летний зной,
Когда на юг – птиц караван,
Все думы только о тебе...

Когда черёмуха цветёт,
Когда на убыль день идёт,
Когда восход, когда туман,
Все думы только о тебе...

Когда малиновка поёт,
Когда холодный дождик льёт,
Когда снега, когда – обман,
Все думы только о тебе...

БУЛАТ УРМАН

Невысказанные слова

Беспечным был и шаловливым был.
К стрельбе готовым луком был.
И хоть всегда: «Терпи!», - мне говорили,
Из трещин на груди слова сквозили.

Все мои мысли для людей открыты,
И мои чувства грязью не забиты:
Пусть будет жить великий мой народ,
Пусть не берут его шатанья и разброд,
Пусть Родина моя идёт вперёд!

МАГИРА ХАЛИЛОВА

Деревня моя

А Родина моя – Тугай Кинья,
Оплот моих отважных предков!
Но дорогие мне края
Сейчас, увы, я посещаю редко.

Там душу окрыляет Ур-Каин,
Что отражается в моём окне.
Тугай Кинья – мой малый Аркаим,
Как часто ты являешься во сне!

Тоскую, брежу Салабаш-горой,
От Озонгора никуда не деться.
Я летней возвращусь порой,
Как будто возвращая детство!

Вернулась в свой аул

Вернулась в свой аул, за вишнею ходила,
В озёрах голубых купаньем насладилась,

Пила из родников твою святую воду,
По улицам Кинья до сумерек бродила.

С грустинкой подошла к местам бывшего крова,
Но не нашла следов фундамента родного.
Но не нашла следов той прежней жизни нашей,
Полынь густая там седой метёлкой машет.

Ходила за водой к Газизову колодцу,
Но пуст он, в нём вода уже не наберётся.
И только старый вяз узнал меня и встретил,
Как будто бы печаль в глазах моих заметил...

Заскучала по родному краю

Заскучала по родному краю,
Обязательно в местах тех побываю,
Чтобы родников водицы
Досыта и допьяна напиться.

На лугах, покрытых утренним туманом,
Сено покошу односельчанам.
И с невесткою, которую люблю,
Свой секрет душевный разделю.

Мне б, Куюргаза, в твоей водице
Понырять, прохладой насладиться.
И с девочками, как было в детстве,
В кучку сбиться, чтобы обогреться.

Вот уже поспела ежевика,
Что под тальником растёт густом и диком,
И зовёт калина гроздью красной,
«Ждём тебя, да, видно понапрасну».

Кинья

Куюргаза, красавица моя,
Здесь вброд тебя Кинья переходил.
На будущее светлое надеясь,
Живительную воду твою пил.

А воду ту, питали родники,
Журчанием прохладу приносили.
Из родников Куюргазы-реки,
Питал для сердца ты магическую силу.

А кровь свою Кинья пролил не зря,
В аул вернулась славою народа.
Любовь к тебе не гаснет, как заря,
Она – река, что вечно катит воды.

НАСИМА ЮСУПОВА

В сердце уголок займи

Не трогай мою душу, не томи,
Словами горькими её не рань.
Ты в сердце уголок займи,
Моей не спетой песней стань.

Когда на сердце тяжесть, позови.
И в радости меня не позабудь.
Ты в сердце уголок займи,
Моей любовью незабытой будь.

А чувствам не прикажешь, ты пойми.
Они переполняют мою грудь.
Ты в сердце уголок займи,
В мечтах, хотя бы, долгожданным будь.

Думы, думы...

Думы, думы... вы всё не кончаетесь.
С высот каких пришли, уходите куда?
Бессонной, долгой ночью иногда
До краешка Вселенной доставляете.

Заставив мою душу тосковать,
В тумане голубом вращаете
Уводите, обратно возвращаете
На землю эту грешную опять.

Думы, думы... вы неуловимые,
С высот каких пришли, уходите куда?
Вот только в вечность мрака навсегда
Меня не отрывайте от любимого.

Раздаёт лучи

Проснись цветок, открой же очи –
Новый день родился.
Рассвет раздвинул шторы ночи:
Луч солнца засветился.

За вершиною Галяма
Солнце появилось.
Лучезарно улыбнулось,
В небо устремилось.

С неба синего лучи
Щедро раскидало...
«Дело любящих – страна
Любит!», - прокричало.

На заре

Уже зарозовел рассвет,
И звёзды гаснут, гаснут.
Выходит солнышко на свет,
Лучами мир раскрасив.

И месяц убежал, потух
От солнца золотого круга.
Его приветствуя как друга,
На изгородь взлетел петух.

Поют пичуги, над страной
Их песни проплывают.
И от любви к земле родной
Душа мотив рождает.

Сила жизни

От силы жизни – от дождя
Земля сил набирается.
Таинственно, чуть погода,
Взглянь, как она меняется!

Листья-серёжки на ветках пахучи,
Цветочек расправил свой стебелёк.
Дождик утихнет, рассеются тучи,
Радуга в небо закинет мосток.

О, Всевышний, одари молитвой...

Моих, порою шатких, убеждений
Судьбою рвётся нить без сожалений.
А иногда, как вспышка, озарение...
Цветами радуги рассыпятся мгновения.

В воображении, вдруг, вырастают горы,
К хозяину миров я обращаю взоры.
Воображенье на раздумья нанизав,
Всё это в мысль пытаюсь я связать.

Там на вершине семь слоёв небес сияет.
И воды всей земли гора там охраняет.
Безмолвно высится утёс поныне,
И контролирует законы все земные.

Дай мне молитву духа, о Всевышний,
Чтоб уподобиться горе и быть не лишней!
Не оставляй рабыней алчности во мгле,
Хочу я всё, что есть, отдать родной земле.

ЗУБАРЖАТ ЯНБЕРДИНА

Моей деревне

Сердечные раны – глубокие раны.
Не излечить их, сжигают дотла:
Нет на селе родного угла.
Последыш в семье, ужель я бездушна,
Как пепел в остывшей печи, равнодушна?
Даже отцовские осокори рухнули в травы,
Убитые горем.
В городе, не городская сама,

Знаний скопила, но не ума:
Душою рвалась к родному порогу...

Не собралась, не пустилась в дорогу.
И только в мечтах, опять и опять,
Дороги и годы движутся вспять.
И я на разваленный, старый фундамент
Отчего дома кладу новый камень.

Ах, этот мир!

Жизнь проходит, вдруг тоска нахлынет,
Вечерами зимними я песни напеваю,
Тоску не лечат по родному краю
Чай из душицы, запахи полыни.
Зарок построить из костей свой дом
Дал пёс, зимой наголодавшись нестерпимо...
Если миры мои пребудут невредимы,
Вернусь я в край родной весенним днём.

С горы Кашка взирая в сторону Киблы,
Село моё готова я обнять,
В стихи и песни тугая запеленать,
Слова из сердца вырваться могли

Ах, этот мир! Какой обманщик ты.
Уходят лета дни, их не остановить...

Чтоб не порвать ту тоненькую нить –
Держу нить жизни, что воздал мне ты.

Ах, этот мир, забот не избежать!
В какой сосуд вы сложены судьбой?
Тетрадку, карандаш лишь взяв с собой,
На облако вскочить и от тебя сбежать?

Ах, этот мир! Какой обманщик ты.
Уходят лета дни, их не остановить.
Жизнь пролетела, в мире суеты
Держу нить жизни... Рвущуюся нить.

Глубь леса

Глубь леса. Запахи обступят,
То хмель расцвёл: понюхаешь – уснёшь.
«Увянешь», как-то – запахи глотнёшь...
Они все чувства горькие притупят.

Глубь леса светится средь бела дня,
От солнечных лучей вся в пятнах светотени.
Грибы рассыпаны как по ступеням,
Семейкой дружною вокруг остатков пня.

Глубь леса, восторгаться не устану
Муравейника структуре величавой.
Оводы порою докучают
Гудением ворчливо-безустанным.

Глубь леса, шустро ёжик пробежал,
Нанизав листву себе на спину.
Старый дуб раскинулся картинно,
Корни-ноги под себя поджал.

Кустами заяц серый проскакал.
Олень исчез, оставив запах стойкий...
А недалече дуб упал, не ойкнув:
Устал, сил не хватило –
Вот и пал!

Вернусь

Вернусь, тоской по родине полна.
Она - из сердца, на лице моём видна.
Берёзок стройных снежно-белый рай
Лишь для тебя растёт, наверное, мой край.

Почки их в краю том, где жила,
Даже плесень, почему-то, не брала.
Я возвращаюсь, чувства разбудив
И жара сердца не уняв, не остудив.

Я возвращаюсь снова в милый край.
Встречай же, моя родина, встречай!
И в тубетейке беленькой, с утра
Бежит, бежит навстречу мне гора.

Кто виноват

Башкортостан, период горький наш
Стоит перед глазами, как мираж.
Услышу о гонений временах:
Заколет сердце, одолеет страх
И тяжко, словно гири на ногах.

Кто виноват, что не легенда-быль:
Как сёла наши превратились в пепел, пыль?
О прошлом думаю, и слёзы комом к горлу;
Ведь, вырезали же народ наш гордый!

Ты выздоровел, выше голову, башкир,
Без воли ты не можешь жить, башкир!
Сородичи, потомством прирастайте,
На родине, не на чужбине, оседайте!

«Пропал башкир...», - слова такие были...
Не верьте! Те слова, себя изжили.
И Апокалипсис ещё не наступил...
Когда же Тевкелев Урал в крови топил,
Всё ж, прирастал башкир, страдал, но не пропал!

Автобус на Север

Автобус мужиков на Север укатил,
Автовокзал он вмиг осиротил.
Перрон ветра, рыдая, подметают
И, заодно, протест в душе рождают.

Но это что! На поездах и самолётах
Увозит пареньков башкирских кто-то
И загребать тихонько кто-то стал
Земли отцов – родной Башкортостан.

«Башкортостан – цветущий мир и рай...»
Так мы, танцуя, пели громко и уверенно...
В чужие руки переходит этот край...
Да, денег мало...но работы, ведь, немерянно!

Полреспублики на Север укатило,
Куда вы, за рублём, за «длинным», что ли?!
Эх, парни, хоть один из вас, от силы,
Задумался бы над своею долей!

По городу немало всяких бродит
С душой, чернее ночи, от природы,
С бумагами на земли и на воды,
На все богатства моего народа.

Оставшиеся пьют напропалую,
Как-будто это им с руки сойдёт.
Одумайтесь, иначе, срок придёт;
Вы землю предков потеряете, родную.

Земля верна тому, кто любит и лелеет.
Хозяину её, кто пашет, сеет, жнёт...
А временщик её не пожалеет:
Не думая о ней, живёт.

Эх, Русь моя

«Не русский я, но – россиянин...»

М. Карим

Уж пять веков мы вместе проживаем.
Всегда ли, Русь моя, друг друга понимаем?
Язык не повернётся, но невольню
Скажу: «Я – россиянка...», - и мне больно.
В нас нет нужды, но коль нужда придёт,
Наш «брат большой» об этом знать даёт.
А предков головы, слетавшие всегда,
Когда вдруг отпадала в них нужда?!

В борьбе добытый суверенитет
Существенно пополнил ваш карман.
Но флаг, глаза ласкающий – обман;
А независимости не было и нет.

Как флюгер, подчинённый всем ветрам,
Наш герб то влево, вправо побежит.
Тебя же, Русь, устроит сей бедлам:
Куда подуешь, там и будем жить.

Вот сколько лет уже привычно, инстинктивно
Я просыпаюсь от бравурных звуков гимна.
И слов невысказанность горечь порождает:
Я о народе, о судьбе его страдаю.

«Жизнь истинная – в истинной свободе», -
Башкирам истина сия, мол, не подходит...
Вот так высказывался, факты говорят,
Сняв шапку, наш сосед,
Наш «старший брат».

Эй, край родной

В родном краю лишь пышно разрослась
Репейника пахучая ограда.
Взгляните же, как разрумянилась
Колючка, что верблюду лишь отрада.

Крапива тоже в рост пошла спонтанно,
Вчера я щи с неё варила со сметаной...
На ножки встав, телёнок вскачь пустился,
Хотя недавно он на свете появился.

Душа земли блаженством наполняется,
Готова расплескаться дивной негой.
Сквозь радугу камней душа стремится к небу,
Мелодией волшебной извергается.

А небо ярко счастьем заблестело
Весною, что вдруг яро налетела.
Земля, как одуванчик на опушке,
Заулыбалась, словно девушка в веснушках.

Ступаю осторожно между грядок,
Не повреждая огуречную рассаду.
Природе рада, огороду рада...
Чтоб описать их, слов нет... и не надо.

Эй, край родной, твоим закатам рада
И шуму возвратившегося стада.
Простые запахи и звуки, и мгновенья
Со мною неразрывны от рожденья.

А промежуток меж годами возвращения
Жизнь, к сожаленью, удлиняет без смущения.
И с каждой весной душа моя страдает,
Мечты несбывшиеся в вечность провожает.

И пусть моменты возвращений поредели
К юности зелёной колыбели,
Эй, край родной, в тебе Кибла моя,
Ты – к Мекке нить святая и незримая.

Вместо послесловия

Пишущих людей объединяет слово. Но не всем понятен язык авторов. Поэтому и нужен переводчик. Благодаря его мастерству и таланту, также знанию языков читатель имеет возможность прочитать произведения авторов – авторов своего города. А ведь не все знают о существовании писательской организации, тем более о писателях. Да и как узнать? Не прочитаешь коли не знаком с языком башкирским или татарским.

Книга написана насыщенным языком, талантливыми поэтами. В ней размещены стихотворения на разные темы.

Имеются стихи и о любви к родному городу и в память об ушедших в мир иной авторах.

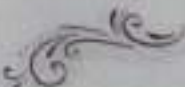
Даже не знаю, к чему её можно отнести. Скорее всего, к сокровищнице душ людских.

Надежда Антошкина.

СОДЕРЖАНИЕ

Акмулла	5 стр.
Четверостишья	
Кинзягали Абдуллин	6-26 стр.
Поэзия	
Закир Акберов	26-46 стр.
Басни	
Халида Алтынбаева	46-57 стр.
Поэзия	
Зиния Байназарова	57-59 стр.
Поэзия	
Зиннат Бикбов	60-61 стр.
Поэзия	
Шагит Буканбаев	61-63 стр.
Из фронтовых писем	
Фатима Галиева	63-71 стр.
Поэзия	
Мухаммат Ильбаев	71-76 стр.
Поэзия	
Рамиля Исянгулова	76-77 стр.
Поэзия	
Илгиз Ишбулатов	78-80 стр.
Поэзия	

-
- Руша Кадырбакова 80-81 стр.
Поэзия
- Мафтуха Кинзя 81-86 стр.
Поэзия
- Сулпан Минлебаева 86-88 стр.
Поэзия
- Шамсинур Мухамметова 88 стр.
Поэзия
- Тимер Ниатшин 88-133 стр.
Поэзия
- Салават Садыков 134-136 стр.
Поэзия
- Булат Урман 136-137 стр.
Поэзия
- Магира Халилова 137-139 стр.
Поэзия
- Насима Юсупова 140-143 стр.
Поэзия
- Зубаржат Янбердина 143-151 стр.
Поэзия

Виктор Уразбаев

Таржема

Руи

Мас

Сул

Шаг

Тим

Сал

Бул

Маг

Нас

Зуб

Изд. лиц. №0230 от 03.09.97 г. Сдано в набор 23.07.2015 г.
Подписано в печать 25.08.2015 г.
Формат 60841/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,63. Уч. - изд. л. 10,88.
Заказ №1592. Тираж 150.

Мелеузовский информцентр - Филиал ГУП РБ ИД «РБ»,
ИНН 0278066967,
г. Мелеуз, ул. Воровского, 6, тел.: (34764) 3-27-53.

